ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ПАТРИЦИЯ ВЕНТВОРТ

УБИЙСТВО В ЛЕТТЕР-ЭНДЕ

Мисс Сильвер

Патриция Вентворт

Убийство в Леттер-Энде

«АСТ»

1946

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Вентворт П.

Убийство в Леттер-Энде / П. Вентворт — «АСТ», 1946 — (Мисс Сильвер)

ISBN 978-5-17-101410-0

В детективах Патриции Вентворт есть все: увлекательный сюжет, захватывающая интрига и типично английская главная героиня – мисс Мод. Сильвер: слегка эксцентричная дама, обладающая талантами психолога и детектива. Сама Агата Кристи не раз признавалась: во многом Мод Сильвер стала образцом и прототипом для легендарной мисс Марпл. Молодую хозяйку поместья Леттер-Энд, красавицу Лоис, находят мертвой… Кто из многочисленных членов эксцентричного семейства мог подсыпать отраву в ее кофе? Полиция выясняет, что Лоис ненавидела вся женская половина семьи. А по завещанию все деньги достаются ее мужу Джимми… Однако Мод Сильвер уверена: разгадка тайны убийства в Леттер-Энде кроется не в деньгах и не в завещании, а в отношениях между его обитателями.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-101410-0

© Вентворт П., 1946
© АСТ, 1946

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 18
Глава 5 22
Глава 6 25
Глава 7 28
Глава 8 30
Глава 9 32
Глава 10 36
Глава 11 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Патриция Вентворт
Убийство в Леттер-Энде

Patricia Wentworth
LATTER END
Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства Andrew Nurnberg.
© Patricia Wentworth, 1946
© Перевод. Д. Вознякевич, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

Когда миссис Леттер вошла в комнату, ей показалось, что там темно – из-за того, что все в ней было черным. Ковер на полу, обои на стенах, длинные прямые шторы были бархатно-черного цвета. Но комната оказалась не такой темной, как она подумала. В одно незанавешенное окно лился свет. Лоис Леттер оказалась лицом к этому свету, усевшись напротив человека, называвшего себя Мемноном. Между ними стоял маленький, накрытый черной бархатной скатертью стол, и по контрасту с ним старик в кресле казался очень большим.

Сев на указанное место, миссис Леттер посмотрела на него с любопытством. Если этот человек думал, что может поразить или напугать ее своими уловками, то он ошибался. Напрасно она сюда приехала. Но когда все твои подруги что-то делают, делаешь и ты. В противном случае о чем же тогда разговаривать? О Мемноне все вели разговоры. Он высказывал совершенно потрясающие вещи. Описывал прошлое и предсказывал будущее. Умел представить настоящее интересным и значительным, а не унылым и скучным.

Лоис смотрела на Мемнона в упор и почти ничего не видела на свету, кроме его силуэта и очертаний кресла. Кресло стояло симметрично к окну, выделялось на его фоне – высокая дуговая спинка, крепкие расширяющиеся подлокотники. Над спинкой возвышалась голова старика в бархатной шапочке. Лоис не знала, почему так уверена, что он старик. На это не указывал ни его голос, ни фигура. Никто не называл его стариком, просто создавалось такое впечатление. Из-за бьющего в глаза света Лоис не могла разглядеть его лица, видела только светлый, расплывчатый овал – гораздо выше, чем можно было ожидать. Видимо, Мемнон отличался высоким ростом, и еще у него были довольно длинные руки.

С этими мыслями Лоис поставила сумочку на колени, откинулась назад и непринужденно улыбнулась. Далеко не каждая женщина ее возраста могла сидеть лицом к свету с таким хладнокровием. Однако тридцать семь лет ничего не отняли от великолепия ее гладкой кожи, лишь улучшили цвет лица, его черты, овал и сделали ее гораздо привлекательнее, чем в двадцать лет. Госпожой себе, своим мыслям, своей жизни. И в значительной мере госпожой Джимми Леттера, его мыслям и его жизни.

Продолжительное молчание вызвало у нее легкое презрение. Чтобы лишить ее самообладания, темной комнаты и пристального взгляда старика недостаточно. Миссис Леттер еще не знала положений или обстоятельств, над которыми была бы не властна. Она безмятежно шагала по жизни, вышла замуж во второй раз. Джеймс Даблдей оставил ей деньги. Осложнения с его завещанием были успешно преодолены. В преемники ему Лоис избрала Джимми Леттера и знала, что сделала верный выбор. Все иметь невозможно, и завещание тогда еще не утвердили. Энтони бывал очень обаятельным – когда хотел. Но ведь не свяжешь свою жизнь с бедным кузеном, когда можно выйти за богатого, – в тридцать пять лет уже понимаешь, что, если достанет ума, можно иметь мужа и не терять любовника.

Нельзя сказать, что Джимми богат, – денег у него оказалось гораздо меньше, чем ей представлялось. Но, к счастью, с завещанием Джеймса Даблдея все обошлось, а Леттер-Энд был предметом ее мечтаний – небольшая, красивая, не тронутая войной усадьба нуждалась только в деньгах, и теперь Лоис сможет их на нее потратить.

Если бы только усадьба принадлежала Энтони… Но это еще возможно…

Эта мысль легко пронеслась в ее сознании. После визита к Мемнону Лоис собиралась пообедать с Энтони. Улыбка ее стала совершенно естественной.

Неожиданно миссис Леттер заметила, что Мемнон неотрывно смотрит на нее. Его глаза были глубоко посажены и казались черными. Он произнес низким шепотом:

– Дайте мне свою руку – обе руки.

Лоис Леттер заколебалась. Басовитый шепот вызвал в комнате странные отзвуки. На столе между ними лежал хрустальный шарик. Свет из окна падал на его сторону, и шар сиял, как полумесяц. Лоис опустила на него взгляд.

– Вы не смотрите в шарик? Я думала, вы им пользуетесь. Потому и приехала.

Старик поднял руку, и шарика не стало. Лоис не разглядела, что с ним произошло. Полумесяц погас. Когда Мемнон пошевелился, ей показалось, что шевелится и ткань плаща. Старик снова прошептал:

– Дайте мне свои руки.

Лоис вытянула их так, словно что-то отталкивала, и он встретил их своими – ладонь к ладони, палец к пальцу, вертикально, как сложенные в молитве руки. Его и ее. Две пары рук. Соприкосновение было покалывающим. Покалывание прошло по ее рукам и по всему телу вниз, к ступням. Дыхание ее участилось. Лоис хотелось заговорить, отодвинуться. Но впервые в жизни она не сделала того, что хотела. Сидела неподвижно, терпела соприкосновение и покалывание. Не могла отвести взгляда от его глаз. Было ощущение контакта, ощущение, что ее исследуют, обыскивают.

Потом все это вдруг прекратилось. Мемнон опустил веки, отвел руки, откинулся назад и сказал:

– Вам нужно очень беречься.

Ее что-то встревожило – что-то в его интонации, в очень низком, еле слышном голосе. Лоис убрала руки со стола, сложила их на коленях и поинтересовалась:

– Чего мне беречься?

Мемнон ответил:

– Яда.

Это слово будто прошелестело в воздухе. Миссис Леттер почувствовала, как оно завибрировало где-то глубоко в ее сознании. Она подождала, когда вибрация пройдет, и спросила:

– Что вы имеете в виду?

– Что вам нужно беречься.

– Яда?

– Совершенно верно.

– То есть кто-то попытается отравить меня? Так вас понимать?

Мемнон произнес немного громче:

– Может быть… – В его голосе прозвучала нотка сомнения.

Она подумала: «Он ничего не знает определенно – только догадывается. Это ерунда». Вслух спросила:

– И это все? Какой смысл в совете беречься, если вы не говорите ничего больше?

Старик долго медлил с ответом.

– Всем нам нужно охранять дом своей жизни. Как вам охранять свой, сказать не могу. Могу лишь предупредить, что он под угрозой.

– Ему угрожает яд?

– Да.

– Какой?

– Этого я сказать не могу. Есть много разновидностей. Одни угрожают душе, другие телу. Так что берегитесь. Я могу только предостеречь вас.

Лоис выпрямилась и спокойно заговорила, стараясь не поддаваться подспудно возникшему страху:

– Думаю, вы должны сообщить кое-что еще. Кто мне угрожает?

– Кто-то, находящийся рядом.

– Мужчина или женщина?

– Мужчина… женщина… видимо… не знаю. Возможно, это вы сами. Яд очень близок – вы связаны с ним.

Лоис засмеялась. Ее смех всегда вызывал восхищение. Сейчас он, как колокольчик, серебристо звенел в комнате.

– Поверьте, я не собираюсь травиться.

Мемнон произнес так тихо, что она едва расслышала:

– Существует не один вид яда.

Глава 2

Энтони Леттер, стоя у колонны, видел, как Лоис входит во вращающуюся дверь и идет по вестибюлю к внутреннему салону ресторана «Люкс». Он не спешил ей навстречу. Всегда было приятно наблюдать, как Лоис входит в помещение, – у нее была очень красивая походка, и держалась она так, словно приобрела всю землю. Землю и Джимми Леттера. Губы его слегка сжались. Бедняга Джимми. Каково чувствовать себя приложением к кому-то? Не слишком приятно, однако небеса помогают лишь тем, кто сам себе помогает. Так или иначе, здесь была Лоис, цветущая, в черном костюме, подчеркивающем ее стройность и цвет кожи. Белая камелия, символ безупречной жизни, вставлена в ее петлицу под новым, самым удачным углом, и волнистые золотисто-каштановые волосы уложены по последней моде. Пойдя навстречу ей, Энтони подумал, что ни разу не видел ее прическу в беспорядке. Другие женщины бывали возбужденными и неряшливыми, у них выбивались пряди волос, носы блестели, но у Лоис – никогда. По иронии судьбы, на ум ему пришли стихотворные строки Бена Джонсона[1]:

Как же на пир не нарядиться,
Напудриться и надушиться,
Чтоб впечатленье создавать…

Пожимая ей руку, он подумал, осмелится ли процитировать эти строки Лоис. И если да, вспомнит ли она продолжение:

Но, леди, нужно меру знать…
Все слишком выспренне, кричаще.

Собственно говоря, Бену та леди нравилась неряшливой.

Энтони чуть не рассмеялся вслух и подумал, что лучше вести себя сдержанно. Раньше они с Лоис откровенно флиртовали, но теперь времена изменились, и она стала женой Джимми.

Когда они шли к обеденному залу, одно из больших зеркал отразило их бок о бок. Лоис подумала, что они представляют собой красивую пару. Высокий, стройный Энтони выглядит замечательно. Лучше, чем два года назад. Ему двадцать девять лет – в этом возрасте мужчины выглядят лучше всего. Она старше его на восемь лет, но об этом никто не догадается. Возраст не властен над ее красотой. Никто не даст ей больше двадцати семи. Никто не подумает, что она старше Энтони, с удовольствием отметила Лоис.

Они подошли к своему столику и сели, продолжая серьезный разговор под видом легкого обмена любезностями. Действительно ли Энтони снова в форме? Как ощущается уход из армии после пяти лет службы? Понравится ли ему работа в издательской фирме?

– Ты – и книги? Скучноватая работа! – Ослепительная улыбка превратила ее слова в комплимент.

Энтони холодно заметил:

– Знаешь, я люблю книги – и притом очень. И подумал, с какой горячностью он выложил бы ей все свои планы два года назад. Теперь же это представлялось невероятным.

Лоис сказала, по-прежнему глядя на него и по-прежнему улыбаясь:

– Уверена, дорогой, что ты добьешься большого успеха.

---

[1] Бенджамин Джонсон (1573–1637) – английский драматург.

Слово «дорогой», пусть и ничего не значащее в ее устах, покоробило его. Энтони отозвался:

– Наверняка буду повсюду находить бестселлеры.

Лоис засмеялась:

– Ты ничуть не изменился.

– Вот как? Позволь ответить тебе комплиментом на комплимент. Ты выглядишь замечательно. Правда, всегда так выглядела.

– Спасибо, дорогой! Но все-таки не всегда, тебе не кажется? Боюсь, что в определенном возрасте.

– Тебе не нужно беспокоиться об этом.

– Не глупи, – сказала она совершенно естественным тоном.

Вот это хуже всего – очень легко быть естественной с Энтони. Так было всегда. Как Лоис с этим ни боролась, существовало искушение дать себе волю, расслабиться, перестать играть роль и стать собой – такой собой, какой Энтони, видимо, ничуть бы не восхищался.

Она засмеялась своим приятным смехом:

– Дорогой мой, если я выгляжу хотя бы хорошо, это настоящее чудо. У меня только что произошла потрясающая встреча.

– Вот как? Послушай, я заказал обед – примешь ты его таким, как есть?

– Да, конечно. Ты должен знать, что мне нравится, – если не забыл. Но право, дорогой, насчет потрясающей встречи я серьезно. Я была у Мемнона.

Он спокойно посмотрел на нее.

– У Мемнона?

Не успела она ответить, как официант принес рыбу. И в эту минуту Лоис вдруг осознала, что была последней дурой, оставив Энтони.

Когда официант ушел, Лоис принялась взахлеб рассказывать о Мемноне, так как ни за что на свете нельзя было допустить молчания. Что-то во взгляде Энтони, в его сухом, легком тоне проникло сквозь ее защиту и потрясло так, как ничто не потрясало долгие годы. Нужно говорить, интересно рассказать о своем посещении, вновь обрести чувство контроля над ситуацией.

Когда Энтони сказал: «Тот самый шарлатан!», она едва не рассмеялась.

– Возможно. Но, дорогой, как это было увлекательно! Вполне стоило тех денег, что я ему заплатила.

Энтони приподнял брови – странно изогнутые брови, черные на смуглом, насмешливом лице. Глаза под ними тоже казались черными, пока на них не упал свет, и стало видно, что они серые.

– И много ты заплатила ему?

– Десять фунтов. Только никому не говори, ладно? Мы в очень стесненных обстоятельствах, дом нуждается в ремонте, но к Мемнону ходят все, и лучше умереть, чем отстать от жизни. Собственно говоря, думаю, я несколько лет была мертвой – война и все прочее. Но теперь… – она встретилась с ним взглядом, – я оживаю вновь.

– Очень интересное ощущение. И что этот фокусник сказал тебе?

Лоис откинулась на спинку стула. Не стоит брать его натиском, он всегда терпеть этого не мог. Лучше продолжать рассказ о Мемноне. Она произнесла дрожащим голосом:

– Он был… жутковатым.

– Обычный прием.

– Нет, правда. Он прямо-таки напугал меня. Энтони слегка удивился:

– Должно быть, ловкач. Что он делал – или говорил?

Он пристально посмотрел на Лоис. Ее природный румянец сменился бледностью. Кажется, этот шарлатан действительно напугал ее. Раньше Энтони не думал, что это возможно,

но Мемнону, очевидно, удалось. Ему не пришло в голову, что бледность Лоис как-то связана с ним.

Снова появился официант с подносом. Когда он отошел, Лоис очень тихо произнесла:

– Это было страшно.

– Только не говори, что он приставал к тебе! Однако уверен, ты вполне могла дать ему отпор. Осадить фокусника было бы новым впечатлением – а для чего еще стоит жить? Неужели скажешь, что потеряла самообладание?

– Ничего подобного не было. И я серьезно говорю – это было страшно.

Его брови приподнялись:

– Только не говори, что он вызвал призраки всех несчастных, кого ты пронзила взглядом или заморозила неприступностью!

Лоис очень тихо проговорила:

– Я серьезно.

– Ты ждешь, что я стану ободрять тебя, втыкать соломинки в волосы – они испортят твою прическу – и стонать в такт варварской мелодии, которую сейчас исполняет оркестр? Мы попадем в колонку светской хроники, если ты этого хочешь: «Майор Энтони Леттер, только что поступивший в издательскую фирму, основанную его знаменитым двоюродным дедушкой Изикиелом…»

Лоис перебила его мягким, обиженным голосом:

– Я хочу рассказать тебе об этом. Будешь слушать?

Она была бледной, трогательной. Такой он ее ни разу еще не видел.

– Так что же этот тип сообщил тебе?

Лоис так понизила голос, что Энтони едва ее слышал:

– Он сказал… мне нужно беречься… яда.

Энтони откинулся на спинку стула.

– Какое странное заявление!

– Да, так ведь? Не очень приятное.

– Совершенно неприятное. С чего он это взял?

Румянец ее возвращался – чистый, яркий, больше всего украшавший ее. Однако без него она выглядела моложе.

«Странно», – подумал Энтони.

Лоис ощутила странное облегчение. Теперь он внимательно смотрел на нее, внимательно слушал. Она рассказала ему больше, чем собиралась рассказывать – ему или кому бы то ни было.

– Он говорил очень странные вещи. Сказал, что кто-то хочет отравить меня – совершенно всерьез.

– Еда здесь не настолько скверная.

– Оставь свои шутки. Это было ужасно. Испугать меня нелегко – ты это знаешь. Но он… почти… испугал.

– Хотел, чтобы у тебя по коже побежали мурашки, и, похоже, добился своего.

Лоис покачала головой:

– Не совсем. Но не очень приятно слышать, что кто-то находящийся рядом хочет тебя отравить.

– Он так сказал?

– Да, так – кто-то находящийся рядом. Но не сказал, мужчина это или женщина. Ответил, что не знает. Знаешь, он даже сказал, что, возможно, это я сама. – Лоис нервно засмеялась. – А я ответила, что ни в коем случае не стану травиться. Я слишком люблю жизнь, чтобы от нее отказываться.

– Да – думаю, любишь.

Лоис взяла сигарету и подалась к Энтони, чтобы прикурить. Когда кончик сигареты засветился красным и между ними поднялся дымок, она с недоумением произнесла:

– Он сказал очень странную вещь – что существует не один вид яда.

– Как банально – и как верно!

– Тогда это не показалось банальным.

Энтони засмеялся:

– Этот человек обладает чарами – иначе женщины не платили бы ему по десять фунтов.

Лоис недовольно нахмурила слегка выщипанные брови.

– Он очень старый – ничего подобного не было… Ладно, давай поговорим о чем-нибудь другом.

Глава 3

Энтони вышел из ресторана и сел в автобус. Ему определенно требовалось сменить обстановку.

Выйдя из автобуса, он пошел к одному из многоквартирных домов, выстроенных перед войной для конторских служащих. Этот дом не пострадал от войны и, если не считать стекол и окраски, был таким же, как по завершении строительства в 1938 году. В доме был автоматический лифт, и Энтони поднялся в нем на пятый этаж, нажал кнопку электрического звонка, и дверь ему открыла Джулия Уэйн.

Джулия и ее сестра Элли Стрит были дочерьми мачехи Джимми Леттера от второго брака. Энтони и Джимми были двоюродными братьями по линии Леттеров. Когда девочки росли в Леттер-Энде, а Энтони проводил там все свои свободные дни, между ними установились своеобразные отношения близости, привязанности, фамильярности, способные развиться во что угодно от презрения до любви. Собственно говоря, они представляли собой широкую раму, пригодную почти для любой картины.

Возможно, Энтони думал о Джулии, когда сравнивал Лоис с менее удачливыми женщинами, которые могут становиться возбужденными и неряшливыми. Открывающая ему дверь Джулия была именно такой. Ее вьющиеся темные волосы оказались взъерошенными, нос был испачкан в чернилах. Разумеется, будь волосы прямыми, это смотрелось бы хуже, но ни одна девушка не выглядит лучшим образом, изображая пугало. Настроение у самой Джулии немедленно испортилось. Она ожидала рассыльного от булочника и даже не вытерла с лица чернила, – а за дверью оказался Энтони, в которого она влюбилась два года назад… Этого было достаточно, чтобы воспламенить и самый мягкий характер, а Энтони вдобавок только что обедал с Лоис. Конечно же, Джулия изгнала его из сердца – это возможно, когда поставишь себе такую цель. Любовь умерла. Последний раз они виделись два года назад. Посмотрим, шевельнется ли мертвое чувство в своем саване.

Энтони поймал ее сердитый взгляд через порог и подумал, что за прошедшие два года она почти не изменилась. Пусть и не в самом лучшем виде, однако это была все та же Джулия. Высокий лоб, крепкий подбородок, но кости изящные, а между лбом и подбородком темные глаза с густыми ресницами, способные быть страстно-радостными или страстно-горестными. Джулия была максималисткой, и теперь ее взгляд казался страстно-озлобленным.

Энтони положил руку на плечо Джулии, смеясь, развернул ее, вошел в комнату вместе с ней и закрыл за собой дверь.

Передней там не имелось, была одна большая комната, разделенная перегородками на ванную, гостиную, кухоньку. Стоял диван, определенно служивший по ночам кроватью. Были два удобных кресла. Простой крепкий стол оказался завален рукописями, в остальном же комната выглядела на удивление прибранной, цвета в ней были приятными – темными, густыми, спокойными. На полу лежали две ковровые дорожки. Энтони понравилась комната Джулии, он даже хотел сказать ей об этом, но передумал.

– Дорогая, у тебя нос в чернилах.

Она сразу же вспыхнула. Все та же прежняя Джулия.

– Если приходишь, когда я работаю, принимай меня такой, как застал. Ты и раньше видел меня с измазанным чернилами носом!

– Видел. Но, как не раз указывал, без чернил ты выглядишь лучше.

– Мне все равно, как я выгляжу!

– Дорогая, к сожалению, это очевидно. Причешись, умойся, а потом можешь посвятить меня в семейные дела.

– Некогда мне, – сказала Джулия. Но ее вспышка уже угасла. Внезапно ей больше всего захотелось где-нибудь укрыться от насмешливого взгляда Энтони.

Она вошла в одну из комнатушек. Когда вышла, чернил на носу не наблюдалось, а волосы были аккуратно причесаны.

– Честно говоря, я не ждала тебя так скоро. Обед с Лоис обычно занимает больше времени.

– Откуда ты знаешь, что я обедал с ней?

– Разве ты не говорил мне? Нет, это она сказала – неужели Лоис промолчит!

– Дорогая, это похоже на женскую неприязнь.

– Это и есть неприязнь.

В ее глазах заискрилась насмешка и тут же угасла. Какой смысл говорить Энтони о Лоис? Он был увлечен ею два года назад, и даже если теперь увлечение прошло, возможно, он лелеет память о ней. Мужчины сентиментальнее женщин. И всегда, всегда, всегда терпеть не могут, если одна женщина дурно говорит о другой.

Джулия рассмеялась.

– Над чем ты смеешься?

– Над нами, – ответила она.

– Почему?

– Тебя как будто не было здесь две минуты, а не два года.

– Потому что я сказал тебе о чернилах? Так это же по-свойски.

Джулия кивнула. Когда она не злилась на него и не страдала от сердечных мук, между ними быстро возникало то взаимопонимание, что использует слова, но вряд ли нуждается в них. Сейчас она не сердилась, и сердце ее билось спокойно. Она чувствовала себя юной и счастливой, словно время унеслось вспять на двенадцать лет, Энтони приехал домой на каникулы и входил на чай в ее классную комнату. Джулия умывалась и причесывалась, и пока мисс Смизерс была там, они вели себя в высшей степени чинно, но как только чаепитие заканчивалось, могли взять и удрать в сад…

Они сели рядом на диван: Энтони в прекрасном новом костюме, стоившем, должно быть, целое состояние, и Джулия, уже не маленькая девочка, трудолюбивая писательница, в старом красном халате, испачканном чернилами, как недавно ее нос.

Энтони спросил:

– Ну, как тут все – и все?

– Ты не виделся с Джимми?

– Нет. Я звонил ему. Через день-другой поеду в Леттер-Энд. Хотел узнать, будешь ли ты там.

Джулия свела свои черные брови.

– Возможно, придется поехать. Только не хочется. Послушай, что тебе говорила Лоис? – Она полезла под диванную подушку, вытащила пачку сигарет. Протянула ему. – Закуривай.

– Спасибо, я курю свои.

– Эти недостаточно хороши для тебя?

– Ты высказываешь то, что у меня на уме. Сдержи гнев, дорогая, и закури одну из моих.

Если Джулия хотела рассердиться, подобное желание прошло. Вместо этого она рассмеялась. Энтони демонстрировал свою обычную манеру вызывать ее на словесный поединок, только сейчас ей этого не хотелось.

Энтони зажег спичку и поднес ей огня. Их губы оказались совсем близко. Сердце Джулии с мучительной неожиданностью зачастило. «О господи, все начинается снова! Как ужасно быть женщиной!»

Она откинулась назад и нахмурила лоб. Лицо ее закаменело, мышцы напряглись, а подбородок приобрел резкие очертания.

– Что тебе говорила Лоис? – повторила она. Энтони затянулся сигаретой.

– От нее и Джимми я узнал, что в Леттер-Энде состоится обычная семейная вечеринка. Элли и Минни живут там, так ведь?

– Да, там!

– А что ты имела в виду, говоря, что *придется* поехать?

Джулия выпустила струйку дыма.

– Лоис сказала тебе, как она ведет дом?

– С ее слов я понял, что там царит общинный дух – один для всех, все для одного.

– Ты считаешь, что Лоис проникнута общинным духом?

– Честно говоря, нет. Но она довольно восторженно говорила о прелести этих отношений.

Джулия, хмурясь, пристально смотрела на него.

– Сказала она, кто там занимается работой?

– Насколько я понял, миссис Мэнипл все еще трудится на кухне, но почти без помощников.

– Из деревни приходит девочка, она из семьи Пеллов, очень славное дитя. Даже Лоис не может ожидать, чтобы Мэнни мыла все эти каменные полы.

– Она сказала, что Мэнни уже не справляется с работой.

– Мэнни готовит замечательно, но Лоис уволит ее, как только найдет кого-то другого. Мэнни ненавидит ее, и она это знает. Конечно, она уже старая. Помнит, как крестили Джимми.

– Так, ему сейчас сколько – пятьдесят один год?

– Она была тогда судомойкой – значит, ей около семидесяти. Сейчас Джимми противится ее увольнению, но ему не устоять против Лоис. Так, это кухня. Говорила она, кто делает остальную работу? – Джулия подалась вперед, глаза ее сверкали. – Раз в неделю из деревни приходит миссис Хиггинс, помощник садовника насыпает в ведра уголь, а всю прочую приятную работу по дому выполняют Минни и Элли! Будет тебе Лоис трудиться!

Энтони пробормотал:

– Один для всех, все для одного…

– Все для Лоис, – резко произнесла Джулия. – Ты обедал с ней. Похоже по ее рукам, что она занимается какой-нибудь домашней работой? У Элли были такие красивые руки…

– Ну так почему они это терпят? Почему не уволятся и не найдут приличную работу?

Джулия затянулась сигаретой.

– Какую работу может найти Минни Мерсер? Она ничему не училась, а ей скоро стукнет пятьдесят. Безвылазно жила в Рейле, а после смерти доктора Мерсера поселилась в Леттер-Энде. Она душка и ангел, только не нужно делать вид, будто она может позаботиться о себе. Об нее все вытирают ноги. Пока домом управляли Джимми и мама, это не имело значения, они любили ее, и она была рада служить им. В службе Лоис хорошего мало.

Голос ее затих, но глаза продолжали говорить. Они яростно бросали вызов: «Ну, давай! Встань на ее защиту! Скажи, как прекрасно будет стать половой тряпкой для Лоис! Скажи, как тебе самому это нравилось два года назад!»

Энтони молчал. Слегка изогнул губы в саркастической улыбке и ждал, чтобы Джулия поняла по его молчанию, что ведет себя глупо. Когда на ее щеках выступил предательский румянец, он заговорил:

– Насчет Минни я с тобой согласен – ей деваться некуда. Но Элли могла бы найти работу, разве не так?

– Не станет искать – из-за Ронни. По-моему, им не стоило вступать в брак, ничего не имея, но они были по уши влюблены друг в друга, все вокруг создавали семьи, поэтому и они тоже поженились. Ронни изучал управление имением под руководством агента старого полковника Фортескью, и работа ему была, в общем, обещана, но тут мистер Банкер ушел на покой. Теперь, когда Ронни лишился ноги, устроиться ему нелегко. Полковник Фортескью

очень порядочен – он будет сохранять это место, сколько сможет. По-моему, он сам управляет имением, но ему это уже не по силам. Старый Банкер умер перед самым концом войны, и беда в том, что работать Рон-ни не в состоянии – его все еще мучают сильные боли, и ему пока нельзя сделать протез. Он лежит в госпитале в Крэмптоне, и Элли может ездить к нему два-три раза в неделю. Вот что держит ее в Рейле, из-за этого она работает по дому вдвое больше, чем следует, и дальние поездки на велосипеде выбивают ее из сил. Она буквально превратилась в тень.

Пикировка между ними прекратилась. Джулия говорила, а Энтони слушал, словно они по-прежнему были членами одной семьи, жили в одном доме, и никакая Лоис не нарушала его покой, не рвала семейные узы. Он сказал:

– Понимаю. И Элли непробивная – всегда была такой.

– Все женщины не могут быть пробивными. И, по-моему, мужчины не любят таких.

– Не любят, если только это не скрывается самым тщательным образом.

Джулия посмотрела на него с презрительной усмешкой.

– Вот-вот! Помню, как ты говорил, что я никогда не выйду замуж, если не прикрою бархатной перчаткой свою железную руку. Что ж, мужа у меня нет.

Энтони умиротворяюще улыбнулся:

– А ты и не хочешь мужа. Видишь, я знаю все ответы. Ты ненавидишь, терпеть не можешь и презираешь мой злополучный пол и вовсе не мечтаешь связать свою судьбу с кем-нибудь из мужчин. Но поверь, дитя мое, самые свирепые мужененавистницы хотят сознавать, что при желании могли бы заполучить одно из этих презренных существ. Например, в старости тебе сможет служить утешением воспоминание, скольких ты отвергла. Ты ведь будешь отвергать нас?

– А как ты думаешь?

– Ну, не знаю, а хотел бы знать. Разумеется, из чистого любопытства. Допустим, я скажу: «Дорогая, я страстно люблю тебя». Как ты отреагируешь?

Смелости и честности Джулии было не занимать. Смелость оказалась на высоте, но честность подкачала. Она с приятным удивлением услышала свой смех и слова:

– Когда полюбишь меня страстно, тогда узнаешь.

Энтони произнес каким-то странным голосом:

– Этот вопрос откладывается. Пожалуй, нам лучше вернуться к Элли. Какие-то деньги у Стрита есть?

Джулия, будто бы запыхавшись после быстрого бега, сделала глубокий вдох.

– У них есть около трехсот фунтов, и они берегут их как помешанные, чтобы обставить свой дом, если Ронни получит работу у полковника Фортескью. Дом у них есть, но без обстановки.

– Скоро ли Стрита выпишут из госпиталя?

– Они не знают. Собственно, потому я туда и еду. Слушай, не говори никому об этом, но Элли думает, что Ронни из госпиталя выпишут, если ей будет куда забрать его. Старшая медсестра сказала ей об этом, когда она в последний раз была там. Видишь ли, ему нужен дом. Они думают, что если будут жить вместе, это пойдет ему на пользу. Вопрос в том, можно ли это устроить.

– Джимми…

– Дело не в Джимми, и ты это знаешь. Дело в Лоис. Джимми не колеблясь скажет «да», но если Лоис скажет «нет» – значит, нет. Ты думаешь, я не могу быть справедлива к ней, но я стараюсь как могу. С моей и Элли точки зрения, Джимми наш брат, и Леттер-Энд всегда был нашим домом. С точки зрения Джимми, Элли и я его сестры, он нас очень любит, и Леттер-Энд по-прежнему наш дом. Но с точки зрения Лоис, мы никто, вообще не родственники. Лоис считает, что мачеха Джим-ми ушла, вышла замуж за человека по фамилии Уэйн, а когда он погиб в автокатастрофе, вернулась в Леттер-Энд, родила близнецов и, пользуясь добротой

Джимми, вырастила их там. Лоис полагает, что Джимми проявляет прискорбную слабость в этой истории. По крайней мере, когда мама умерла, он мог выгнать нас, чтобы мы сами зарабатывали себе на жизнь, а вместо этого делает вид, будто мы его сестры и будто ему нравится, что мы живем там. Видишь, я стараюсь быть совершенно справедливой.

Энтони лениво выпустил струйку табачного дыма.

– Да, совершенно.

– Знаешь, я понимаю ее точку зрения. Она вышла замуж за Джимми, а не за близнецов – дочерей его мачехи. Меня бесит ее двуличие – убеждает Джимми, что она ангельски терпит там Элли, а сама обходится с ней как с уборщицей, заставляет до смерти работать. Знаешь… – голос Джулии сильно задрожал, – …не будь у меня решительности и многих других качеств, на твой взгляд не подобающих женщинам, я, возможно, сама работала бы судомойкой в Леттер-Энде.

Энтони выпустил очередной клуб дыма.

– Дорогая, это вполне достойное женское занятие.

Взгляд его обратился к рукам Джулии, лежавшим на коленях поверх старого красного халата. На правом указательном пальце синело пятно не до конца смытых чернил. Ногти очень красивой формы не знали лака. На пальцах не было колец. Руки были такими, как их создала природа, а создала она их превосходно. Они были не маленькими, не белыми, но очень красивыми.

Энтони неожиданно выпалил:

– Нет!

– Что нет?

– Я забыл о твоих руках. Пусть все женщины с отвратительными пурпурными ногтями поработают судомойками – это пойдет им на пользу! У тебя вторые – нет, третьи – по красоте руки в Европе. Первые две пары у скульптур. И если ты не станешь ухаживать за ними, то окажешься в особом круге ада, существующем для тех, кто уничтожает произведения искусства.

Джулия сказала то, что раньше не приходило ей в голову:

– Как жаль, что мое лицо не гармонирует с ними.

Эти слова вырвались у нее невольно, оставив чувство, будто она приоткрыла некую дверь и что-то выпустила наружу.

Энтони покачал головой:

– Дорогая, ты нашла бы это очень неудобным – тебя окружали бы толпы на улицах. Оставь классическое совершенство музеям, тебе было бы не по себе на холодном белом пьедестале. Давай вернемся к делам. Когда, сказала, ты едешь в Леттер-Энд?

– Я не говорила. Еще не приняла решения.

– Может, поедешь вместе со мной в пятницу? Джулия немного помолчала. С сигареты на халат упал пепел. Она раздраженно смахнула его и сказала:

– Возможно. Я еще не сообщила Лоис, что приезжаю.

– А нужно сообщать? Джулия кивнула:

– Да, нужно. Обычно я там не остаюсь. – Она говорила больше, чем собиралась. – Собственно, я не оставалась там с тех пор, как Джимми на ней женился. Мы… – она сделала паузу, – …недолюбливаем друг друга.

– Ты меня удивляешь.

Ответом ему был сердитый взгляд. Джулия подалась вперед и, взяв окурок, словно дротик, с силой бросила его в камин.

– Удивляю? Ну, ладно же, скажу откровенно! Я ее смертельно ненавижу!

Глава 4

Элли Стрит накрывала на стол к ужину. Поскольку должны были приехать Энтони и Джулия, она особенно старалась. Радующие глаз цветы стояли в вазе из старого стекла – более красивого, чем серебро, – и все было начищено до блеска. К сожалению, придать блеск себе она не могла. Голландское зеркало между портретами прадеда Джимми с широким галстуком и прабабушки в бледно-желтом атласном платье с высокой талией и с бирюзовой повязкой на волосах отражало Элли Стрит с беспощадной четкостью – ее застиранное ситцевое платье, худое бледное лицо, вьющиеся светлые волосы, ставшие прямыми и бесцветными, выступающие вперед плечи, вялую походку. Неудивительно, что Ронни поглядывает на свою хорошенькую медсестру.

Требовалось побыстрее закончить работу, переодеться во что-то приличное и подкрасить лицо до приезда Джулии. Только Элли так устала, что ей было все равно. Эти десять миль до Крэмптона и обратно отнимали у нее чуть ли не все силы, но расписание автобусов ее не устраивало, а ей требовалось навещать Ронни. Ну что ж, здесь уже все в порядке, и она сможет спокойно посидеть двадцать минут, перед тем как начать одеваться к ужину. Элли отступила на шаг, чтобы напоследок оглядеть стол.

В коридоре послышались шаги, и вошла Лоис.

– О, ты уже закончила? Надеюсь, почистила серебро. Оно не выглядело должным образом.

– Да, почистила, – вяло отозвалась Элли.

Два года назад она была красивой, стройной и миловидной, обладала легким румянцем и хрупкостью дрезденской статуэтки. Этот тип внешности не выносит долгого утомления и напряжения. Если голландское зеркало не льстило ей, то и не лгало. Она стала просто тенью прежней Элли Уэйн. Подняв взгляд усталых голубых глаз на Лоис, она повторила:

– Да, я его почистила.

– Ну, эти ложки можно бы протереть еще раз. И… О, разве я не велела тебе поставить цветы в большую серебряную вазу? Она нравится Джимми.

Элли продолжала смотреть на нее. И наконец сказала:

– Лоис, тебе очень важна эта ваза? Мне уже некогда снова заниматься цветами.

Голос был под стать ей – мягким и очень усталым.

– Мне казалось, ты будешь рада сделать что-то для Джимми. Как-никак… – Лоис издала красивый серебристый смешок, – …он немало сделал для тебя и для Джулии. Но, конечно, если это такой большой труд…

Она подошла к столу и стала вынимать по одному цветы, портя их и роняя капли воды на полированную поверхность.

Джулия подняла бы скандал. Элли лишь посмотрела и произнесла угасшим голосом:

– Я переставлю их. Лоис, прошу тебя – ты плещешь воду на стол.

Когда она вошла в подсобку, чтобы взять серебряную вазу, там была миссис Мэнипл.

– Что такое, милочка? Еще не закончила? Тебе нужно полежать с полчаса, пока они не пришли. Времени как раз хватит.

Добрая старая Мэнни. Элли благодарно ей улыбнулась. Должно быть, она очень старая, раз помнит рождение Джимми, но совершенно не менялась, не выглядела старше с тех пор, как Элли с Джулией потихоньку забегали в кухню за изюмом, свежим горячим джемом, булочками и сахарными мышками. Мэнни готовила замечательных сахарных мышек, розовых и зеленых, с шоколадными глазками. В пять лет сахарная мышка – большая радость.

Миссис Мэнипл обняла ее за плечи пухлой рукой.

– Иди, дорогая, приляг.

– Не могу, Мэнни. Миссис Леттер хочет, чтобы цветы стояли в серебряной вазе, а та нуждается в чистке. Ею не пользовались несколько месяцев.

Рука Мэнни напряглась. Элли отступила.

– Мэнни, ничего не поделаешь.

Миссис Мэнипл промолчала. Если она была не в состоянии сделать что-то другое для мисс Элли, то это могла. Ярко-розовый яблочный румянец ее больших, крепких щек потемнел, стал лиловым, как слива.

Она резко повернула голову через плечо и требовательно позвала:

– Полли! Иди сюда!

Потом взяла вазу из рук Элли.

– Ступай наверх, дорогая. Полли все сделает, и я присмотрю, чтобы сделала как надо. Цветы я поставлю сама, и если не в том порядке, можешь переставить их, когда спустишься. И подрумянь щеки, а то мисс Джулия меня убьет.

Идя по коридору, Элли услышала ее довольный смех.

Она поднялась по черной лестнице, так было быстрее. И улыбнулась: Мэнни просто ангел. Однажды она сказала это Энтони, и он нарисовал на витраже шарж на Мэнни в ночной рубашке, облегающей ее формы, и с громадными крыльями, никак не способными поднять ее в воздух.

Элли собиралась войти в свою комнату, и тут ее окликнула Минни. Она занимала комнату, где раньше жила мисс Смизерс, а Элли ту, где, сколько помнила, жила вместе с Джулией. Элли открыла дверь и вошла. Минни Мерсер стояла у туалетного столика с зеркалом, прикалывая брошь, подаренную родителями на двадцать первый день рождения почти тридцать лет назад. Она представляла собой монограмму из двух переплетенных «М», усеянных мелким жемчугом, и жемчужины казались уже не такими белыми, как раньше. Эта брошь была у нее самой лучшей, и она надела свое лучшее платье ради Джулии и Энтони. Оно было не таким старым, как брошь, и хранилось очень тщательно, но застало начало войны и ее конец. «Стильным», по выражению Минни, оно никогда не было, и его ярко-синий цвет не шел к ее маленькому худому лицу, а облегающий покрой – к маленькому худому телу. Но оно было у нее лучшим, и она наивно им гордилась.

Когда Минни повернулась, в сознании Элли возникла мучительная мысль: «Вот как я буду выглядеть. Вот какой я уже становлюсь. О, Ронни!»

Тридцать лет назад Минни Мерсер была «хорошенькой Минни Мерсер» или «хорошенькой дочерью доктора Мерсера». Теперь ее черты заострились, а лицо покрылось морщинами. Густые светлые волосы выглядели бы красивыми, будь должным образом уложены. Они еще даже не поседели, просто казались вялыми, безжизненными. Но ни годы, ни что другое не могло отнять обаятельной улыбки Минни и доброты в ее глазах. Некогда они были ярко-голубыми, – со временем этот цвет потускнел. Однако доброта ее никогда не потускнеет.

Минни мягко сказала:

– Элли, дорогая, ты устало выглядишь. Сядь и расскажи мне о Ронни. Как он?

Элли опустилась в мягкое кресло.

– Изменений никаких. Лучше ему там не станет – так говорит старшая медсестра. Завтра я поговорю с Джимми.

– Он очень добрый, – произнесла Минни, отводя взгляд. – Думаю, не лучше ли – надеюсь, ты не обидишься на меня за эти слова, дорогая – не лучше ли поговорить сперва с миссис Леттер?

Лоис была «миссис Леттер» для Минни Мерсер, а Лоис звала ее просто «Минни» – красноречивая мелочь, указывающая на разницу между ними: между женой Джимми и жалкой нахлебницей Джимми. Это было одной из причин ненависти Джулии к Лоис. И закрепляло Минни в приниженном положении.

Элли наморщила лоб. Похоже, у нее это уже входит в привычку. Ей было только двадцать четыре года, но на светлой коже уже образовалась легкая морщинка. Она проговорила:

– Что толку?

– Думаю, так может быть лучше.

Наступило короткое молчание. Минни снова повернулась к туалетному столику и принялась раскладывать по местам вещи – гребенку, щетку для волос, зеркало – подарки миссис Уэйн.

За ее спиной послышался усталый голос Элли:

– Она непременно откажет. Но если сперва поговорю с Джимми, то может… может…

Она не договорила. Никто из знавших Джимми Леттера не мог утверждать, что он способен выстоять против Лоис. Он всерьез скажет «да» – ему всегда было легче говорить «да», чем «нет». Но эта черта его характера была на руку и нашим, и вашим – он не мог сказать «нет» и Лоис, которая наверняка сыщет десяток веских причин не предоставлять Ронни Стриту места в доме.

Минни повернулась к Элли.

– Дорогая, не беспокойся сейчас об этом. Знаешь, я подумала, не окажешь ли ты мне небольшую любезность…

– Само собой, окажу. Какую?

– Ну, в общем – это было так нелепо, – но сегодня со мной случился легкий обморок, когда мы занимались благотворительной работой в доме священника… Ничего страшного, сущий пустяк, но миссис Летбридж – ты знаешь, какая она добрая, – так вот, она сказала, что позвонит по этому поводу миссис Леттер, а это, дорогая моя, никуда не годится. Я упрашивала ее, как только могла, но ты знаешь, какая она – очень добрая, но не очень тактичная, и мне страшно. Я подумала: может, ты позвонишь ей и попросишь этого не делать? Она собиралась навестить мисс Грин, но уже, наверно, вернулась. Можешь сказать ей, что я уже совершенно здорова.

– Да, немедленно позвоню. Она не должна сообщать Лоис – поднимется страшный шум.

Эта перспектива ужаснула Элли. Она сбежала по лестнице, но, подойдя к приоткрытой двери кабинета, с упавшим сердцем обнаружила, что опоздала. Высокий благозвучный голос Лоис был четко слышан:

– Сразу упала в обморок? Моя дорогая миссис Летбридж, какая это неприятность для вас! Я вам очень сочувствую… Да, я знаю – она *слишком* много работает, а потом с ней случаются нервные припадки. Разумеется, тут беспокоиться не о чем – но большое спасибо, что сообщили мне… Я сделаю все, что смогу – она ведь очень упрямая. – Лоис издала легкий смешок, чтобы смягчить сказанное. – Боюсь, вам придется освободить ее от рабочих собраний. Я буду в этом непреклонна. Добрых людей, как вы говорите, мало – мы должны о ней позаботиться. Спасибо, что сообщили мне.

Элли услышала щелчок телефонной трубки. Слегка вздрогнула, повернулась и побежала вверх по лестнице. Вошла в комнату Минни, тяжело дыша.

– Элли, дорогая!

– Мин, я опоздала. Лоис была там… разговаривала…

– С миссис Летбридж? Элли кивнула.

Минни вздохнула:

– Что ж, ничего не поделаешь. Дорогая, тебе не следует бегать – ты совсем запыхалась.

– Ничего, это пустяк. Мин, слышала бы ты ее. «Добрых людей мало – мы должны о ней позаботиться». Джулия называет этот ее голос медово-змеиным. И знаешь, Мин, она сказала миссис Летбридж, что она больше не должна ждать тебя на рабочие собрания. Но ты воспротивишься, правда? Это у тебя единственное удовольствие.

Минни замерла. И через несколько секунд ответила:

– Дорогая, противиться у меня получается плохо. К тому же это расстраивает домашних, а я не хочу этого делать.

О Джимми она не упомянула, но он был на уме у обеих. Это его не следовало расстраивать. Мин-ни сделала бы что угодно, вынесла бы что угодно, только бы не огорчать его. Обе это знали. «Она относится к нему, как я к Ронни», – подумала Элли. И с этой мыслью кое-что изменилось. Дочь доктора Мерсера жила здесь так долго, что все привыкли к ее привязанности и о причине такого отношения к ним даже не задумывались. А вот сегодня у Элли этот вопрос возник.

Минни терпеливо улыбнулась:

– Дорогая, тебе нужно одеться. Я приду, помогу тебе. Не будем этим вечером думать о неприятном, ведь приезжают Энтони с Джулией. Какая радость! Нам следует быть веселыми.

Когда они вошли в комнату Элли, Минни продолжала говорить:

– Ты не представляешь, как я рада, что наконец приезжает Джулия. Со стороны миссис Летбридж было очень любезно пригласить ее к себе, когда она приезжала повидаться с тобой, но то, что она не заночевала здесь, вызвало множество разговоров. И они наверняка расстроили твоего брата и… миссис Леттер. Ты наденешь голубое, так ведь?

Элли ответила:

– Да.

Она повесила хлопчатобумажный халат и надела голубое крепдешиновое платье. Оно стало ей великовато.

– Дорогая, взбей волосы и немного подрумянься. Джулия не должна видеть твою бледность.

Элли втирала в лицо крем наброшенным на плечи полотенцем. Следовало сделать это до того, как надевать платье. Но снимать его она уже не стала. Вот так всегда: сделать что-нибудь как нужно не хватает времени. Втерев остатки крема в кожу, Элли взяла пуховку и сказала:

– Мин, я боюсь, что Джулия устроит ссору с Лоис.

– Дорогая, она этого не сделает!

– Она может, – возразила Элли.

– Нет-нет!

– Возможно, она хочет этого.

Минни негромко ахнула:

– Никто не может *хотеть* ссоры.

– Джулия может.

– Дорогая моя, зачем?

– Чтобы устроить скандал. Джулия такая – сама знаешь. И она смертельно ненавидит Лоис.

В зеркале Элли видела, что Минни стоит прямо позади нее. Вид у нее был такой, будто она снова на грани обморока. Минни негромко произнесла дрожащим голосом:

– Ненависть – это яд.

Глава 5

Эта вечеринка радовала по-настоящему только Джимми Леттера. Все прочие облегченно вздохнули, когда она закончилась, однако Джимми был очень доволен. Он держался весело и очень оживленно. Семейство не собиралось вместе уже два года, и теперь он радостно оглядывал снова всех за столом – Элли сидела по одну его сторону, Джулия по другую, Энтони рядом с Элли, Минни рядом с Джулией, а его красавица Лоис улыбалась ему, сидя во главе стола. Это была традиционная семейная вечеринка, и к ней прибавилась Лоис. Лоис – его жена – его красивая, замечательная жена! Джимми не представлял, почему она вышла за него – ведь могла бы выбрать себе буквально любого мужа. Но все-таки Лоис стала его женой. И они собрались все вместе: Энтони вернулся из-за границы, и Джулия тоже здесь! Джимми нешуточно огорчался, когда она перестала приезжать и останавливаться в Леттер-Энде. Видимо, она ревновала из-за его женитьбы – и очень напрасно. Но такова уж Джулия – необузданная, своевольная. С детских лет этим отличается. Однако такая сердечная, что ее нельзя не любить. Джимми очень любит ее, а Лоис относится к ее ревности просто по-ангельски. Лоис настоящий ангел, в этом нет ни малейшего сомнения. Она говорила, что нужно только подождать, и Джулия приедет. И вот она приехала, и они обе здесь!

Джулия в красном платье – красивом темно-красном, как дамасская роза, – это приятный, очень идущий ей цвет. А Элли в голубом. Выглядит усталой, бедняжка. Расстраивается из-за Рон-ни. Жаль, что он лишился ноги. Какое счастье, что о ней заботится Лоис.

Жаль, что с ними уже не было бедной Марсии. Джимми посмотрел мимо Лоис на портрет, висевший на задней стене, – Марсия Уэйн в красном платье, очень похожем на то, что на одной из ее дочерей, на Джулии. Джулия заметно на нее похожа. Марсия была очень красивой, привлекательной женщиной, но несладкая у нее вышла жизнь – дважды теряла мужей и умерла слишком рано. Джимми был очень привязан к Марсии. Ей бы жить да жить. Он с легкой печалью представил, как Марсия и Лоис счастливо живут под одной крышей в Леттер-Энде. И тогда, конечно, Джулия не уехала бы и все они были бы одной счастливой семьей. Но, разумеется, им всем есть чему радоваться. И у него еще есть Лоис. Джимми улыбнулся ей и получил в ответ очаровательную улыбку.

Вечеринка на первый взгляд получилась вполне веселой. Об этом позаботились Лоис и Энтони. Они не давали всем скучать, Джимми тоже время от времени принимал участие в беседе. Джулия, хоть и была слишком молчаливой, вела себя очень достойно. Не хмурилась, не бросала сердитых взглядов, сказала то, что хотела сказать, была вежливой с Лоис и ласковой с Джимми.

Держаться с Джимми ласково было совсем нетрудно. В пятнадцать лет он был беспечным кудрявым подростком. В пятьдесят один год это описание все еще ему подходило. Он не стал ни выше, ни напыщеннее. Кудри слегка поредели на висках, но оставались такими же светлыми, почти без седины.

Миссис Мэнипл приготовила им превосходный обед. Когда Элли встала, чтобы сменить тарелки, Джулия тоже поднялась. Приятно снова заниматься делом вместе с Элли, и если Лоис торжествовала, Джулии на сей раз было наплевать. Она положила руку на плечо Минни, веля ей не вставать, и со смехом покачала головой сидевшему напротив Энтони.

– Оставьте – прошу всех, – я делаю это с удовольствием.

Все было как прежде, только во главе стола должна была сидеть мама, заботливая, добрая, красивая, а не Лоис в облегающем белом платье, надетом для того, чтобы продемонстрировать, какая у нее прекрасная фигура. «Я терпеть ее не могу, это так. Мне все равно, какая у нее фигура. Хотя нет, нет, *нет*! Она будто бы в купальнике! Если это и все, что привлекает Энтони, она может забирать его, и пожалуйста. Нет, не может – раз теперь она жена Джимми, – Энтони

не пойдет на это. Он бы не приехал, если бы не порвал с ней». Дух ее воспарил и понесся в долгий, головокружительный полет с россыпью радужных огней в конце.

Миссис Мэнипл вручила ей блюдо яичницы с грибами и восхищенно посмотрела на нее.

– Ну, моя дорогая, у тебя превосходный цвет лица. Любой подумал бы, что мисс Элли городская мышка, а ты сельская. И румянец у тебя свой. Те, кто пользуется румянами, не знают, что ими мало кого можно обмануть. Мисс Элли, дорогая моя, осторожнее с этими тарелками, не обожгись.

Когда они вернулись в столовую, Джимми рассказывал одну из своих бесконечных историй:

– Тут я сказал Хэвершему – не тому, кого ты помнишь, Энтони – он умер, бедняга, – а это племянник, сын того брата, что уехал на север. Чего ради – не помню. Определенно не затем, чтобы заниматься конструированием, – с математикой у него были нелады. Думаю, он работал в транспортной конторе или… ну, это не важно, но этот Хэвершем его сын. Неплохой парень, однако в фермерском деле ни в зуб ногой. Начал рассказывать мне про урожай маслин в Италии – он был там в составе Восьмой армии – и чего только не говорил о том климате! А я сказал ему: «Знаешь, Хэвершем, маслины – это маслины, они очень хороши для итальяшек, но они не растут здесь, и все тут…»

Рассказ тянулся и тянулся. Он доставлял Джим-ми большое удовольствие и не вызывал никакого интереса.

Энтони не скучал – он впервые за несколько лет чувствовал себя так непринужденно. Он вырос в этой обстановке: семейные вечеринки, милые девушки, довольный Джимми, заражающий своей радостью окружающих. Что из того, если его истории неинтересны? Хороших рассказчиков сколько угодно. Только среди родных блистать не обязательно, это не главное. Родные – это родные. Их принимаешь такими, какие есть, и они принимают тебя так же. Лоно семьи чрезвычайно успокаивает.

Энтони повернул голову и поймал блестящий и твердый взгляд Лоис. В нем сквозило презрение к Джимми. Лоис будто призывала Энтони тоже его презирать. Внезапно он почувствовал к ней острую неприязнь как к чужой.

Когда обед закончился, Лоис отправилась в гостиную, забрав с собой обоих мужчин. Энтони хотел было остаться и помочь, но Джимми возразил: «Нет-нет – девочки все сделают», а Джулия подхватила: «Иди играй – здесь будешь только путаться у нас под ногами».

В подсобке Джулия обратилась к Элли:

– Сколько человек будут пить кофе? Лично я нет, так что ставить чашку для меня не нужно. Какими вы пользуетесь?

– Старыми вустерскими. Мы с Минни тоже не будем, Джимми отказался от него, поэтому остаются только Энтони и Лоис, а она пьет кофе по-турецки.

Совершенно в ее духе! Ну, Энтони турецкого кофе пить не станет, он любит с молоком.

– Мэнни все уже приготовила. Лоис выпивает только одну чашку. Кладет туда чуточку ванили. И ставит на поднос бутылочку коньяка.

Джулия скривилась:

– Какая мерзость!

Остальные находились на террасе. За серой подпорной стенкой на ровной лужайке лежала тень кедра, представлявшего собой гордость Джимми. В этом году его раскидистые ветви усеивали шишки, словно на них гнездились стаи маленьких сов. На другой стороне лужайки красовался широкий цветочный бордюр, и его краски становились все ярче в лучах вечернего солнца. То был один из прекрасных безветренных вечеров, когда зной уже не затягивал дымкой нежную голубизну ясного неба.

Мужчины вошли неохотно, сперва один, затем другой. Вспышка гнева у Энтони уже прошла, и сейчас он чувствовал гармонию со всем миром.

Когда Минни Мерсер выходила из комнаты с кофейным подносом, Лоис поднялась и тоже вышла с террасы. Быстро проходя мимо нее, задела поднос, и чашка Энтони со стуком упала.

Минни продолжила путь на кухню, там вымыла и убрала чашки. Полли Пелл – худенькая девушка семнадцати лет с робким взглядом – протирала бокалы, очень медленно, тщательно, как учила миссис Мэнипл. Минни немного поговорила с ней о замужней сестре, первого ребенка которой только что окрестили, сочла, что выбранное имя очень хорошее, и вернулась в гостиную. Ей требовалось пройти мимо туалета на первом этаже – но мимо она не прошла. До ее ушей донесся такой мучительный, сдавленный звук, что после недолгого тревожного колебания она подергала дверь, нашла ее незапертой и вошла. Лоис Леттер, тяжело дышавшая и тужившаяся в рвоте, склонилась над туалетной раковиной.

Потрясенная и встревоженная Минни оказала ей всю возможную помощь и, когда спазмы прекратились, вытерла рвоту на свой спокойный, методичный манер. Лоис, белая, как ее платье, сидела на маленьком жестком стуле, единственном, какой там был. Черты ее лица заострились, нежная кожа покрылась потом, однако когда Минни отвернулась от раковины, она сделала глубокий вдох и сказала:

– Мне уже хорошо.

– Помочь вам подняться по лестнице?

Лоис снова глубоко вдохнула и ответила:

– Нет, я не нуждаюсь в помощи. Все в порядке. Только погоди минутку.

– Подать вам что-нибудь?

– Немного воды…

Сделав два или три глотка, она выпрямилась.

– Мне уже хорошо – плохо не будет. Не могу понять, что со мной случилось. – Лоис нахмурилась. – Наверно, дело в грибах. Миссис Мэнипл, видимо, стала неосторожной. Ей эта работа уже не по возрасту. Нужно будет поговорить об этом с Джимми.

Минни Мерсер понимала, что говорить ничего не следует, однако на ее лице отразилось искреннее огорчение, и этого оказалось достаточно. Лоис тут же вспылила:

– Конечно, ты будешь ее защищать! Даже если она меня отравит! Но ведь на моем месте мог оказаться Джимми! Тогда бы ты не была такой спокойной, не жалела бы так миссис Мэнипл!

– Миссис Леттер… На этом мягкий протест Минни оборвался. Лоис встала, держась за спинку стула.

– Я сейчас не в состоянии спорить. Поднимусь к себе в комнату… Нет, ты мне не понадобишься. Возвращайся в гостиную. И ни слова никому – слышишь? Ни единого. Если я не спущусь через десять минут, поднимись ко мне. Но рвота больше не повторится – я в этом уверена. Просто не могу вернуться туда в таком виде.

И действительно, минут через десять Лоис открыла дверь гостиной и вошла. Ее белое платье струилось за ней, а на щеках розовел легкий румянец. Для Джимми и Элли Стрит она выглядела совершенно так же, как за обедом. Даже Минни не заметила почти никаких следов произошедшего. Джулия подумала: «Будь оно все проклято – она красива!»

Энтони изучающе посмотрел на Лоис, когда она проходила мимо. Сейчас румянец у нее не свой – он мог бы поклясться. А вот в столовой, несомненно, был свой. Он задался вопросом, с чем это связано…

Глава 6

Джулия погасила свет, подождала, пока к ней не вернулась способность видеть, и уверенно подошла к окну. Раздернула шторы и выглянула наружу. Три окна, выходивших на боковую сторону дома, были открыты настежь, и ночной воздух вливался в комнату приятным мягким приливом. Небо было ясным, но луна еще не взошла. За маленьким, строго распланированным садом чернели таинственные силуэты деревьев. Ветра не было. Под ясным небом все замерло.

Кровати ее и Элли стояли рядом. Джулия подошла к своей и легла, высоко подложив под голову подушки. Обе ждали этого момента: Элли – чтобы говорить, а Джулия – чтобы слушать. Когда она устроилась, Элли взяла ее за руку.

– О, Джулия…

Это был вздох полнейшего облегчения. А потом вдруг Элли расплакалась.

С утра до вечера, в течение многих дней у нее на душе копились слезы, и ночью она не смела их проливать. Это значило бы расслабиться, и она боялась, что потом не сможет взять себя в руки. Лишь теперь, когда рядом была сестра, дело обстояло иначе. Можно было поплакать, а когда Элли прольет достаточно слез, Джулия ее остановит.

Джулия дала ей поплакать, держа ее за руку и ничего не говоря, просто находясь рядом. Она была рядом всю их жизнь, и для Элли ее присутствие означало безопасность. Джулия всегда была ведущей, а она ведомой. Сестра вовлекала Элли в приключения и чудесным образом вызволяла из них. Где-то в глубине души Элли отчаянно держалась за мысль, что Джулия сумеет вызволить ее из создавшихся обстоятельств, и это было уже для нее не приключение, а угроза всему самому дорогому. Даже теперь, плача, она чувствовала исходящие от Джулии теплые волны утешения.

Вскоре она услышала голос Джулии, тоже теплый и настойчивый:

– Элли, хватит плакать.

– Я думала… у меня…

– Ну так прекрати! Платок у тебя есть?

– Да, – ответила Элли со всхлипом, выпустила руку Джулии, полезла под подушку, достала его и высморкалась.

– И больше не плачь! Скажи, в чем дело.

– В Ронни! – снова всхлипнула Элли.

– Он мог погибнуть, но не погиб, – произнесла Джулия. – Подумай об этом и перестань плакать.

– Я знаю – это дурно с моей стороны, да?

– Глупо, – ответила Джулия.

У Элли стало легче на душе. Есть что-то необычайно успокаивающее в том, когда тебе говорят, что твои страхи глупые. Она снова взяла руку Джулии и нашла ее утешающей, сильной.

– Наверно, ты права. Но старшая медсестра говорит, что в госпитале ему лучше не станет, и я очень боюсь, что Лоис не позволит ему находиться здесь.

– Не позволит, раз ты боишься. Чем больше страшишься таких людей, как Лоис, тем больше они втаптывают тебя в грязь.

Элли перевела дух.

– Знаю. Но ничего не могу с собой поделать – я *боюсь*.

– Это пагубно, – заметила Джулия.

Элли стиснула ее руку.

– Не надо так говорить. Я ничего не могу поделать – такова уж моя натура. Для Лоис я половик, и она будет вытирать об меня ноги, пока я не стану такой, как Минни, только гораздо менее доброй.

– Будет, если ты позволишь ей, – сказала Джулия.

– Я не могу остановить ее. Но завтра поговорю с Джимми – пользы от этого не будет…

– Не знаю – возможно, и будет. Я тоже поговорю с ним и, возможно, с Энтони. Вместе мы можем подвести его к мысли, что это его дом и, если он хочет, чтобы Ронни находился здесь, – ему решать.

Элли отозвалась угасшим голосом:

– Ты не знаешь Лоис – она как-нибудь обведет его вокруг пальца. Она всегда это делает.

– Что ж, мы все же попытаемся.

Джулия скорее почувствовала, чем поняла, что Элли дрожит.

– Это ничего не даст – Лоис умеет настоять на своем. Ты знаешь старую миссис Марш…

– Она тут при чем?

– Вот слушай. Когда ее сын вернулся из Индии, она очень радовалась, и этот толстяк был добр к ней на свой глупый манер.

– Да, он был не таким уж плохим. Джо Марш мне, в общем, нравился.

Элли дернула ее за руку.

– Он стал еще толще и глупее. И женился на мерзкой девице из Крэмптона – совершенно бесчувственной. Лоис взяла ее сюда как швею. Право, это жуткая особа. Послушала бы ты, что говорит о ней Мэнни.

– Возможно, послушаю.

– Так вот, эта ужасная Глэдис с самого начала решила избавиться от миссис Марш и добилась своего. Миссис Марш со своей негнущейся ногой не могла найти постоянную работу, но приглядывала за малышами, пока матери ходили в кино, и ей это нравилось. Притом это был ее коттедж, она жила там с тех пор, как вышла замуж за отца Джо, а Глэдис выгнала ее и отправила в приют для инвалидов.

После небольшой паузы Джулия поинтересовалась:

– Какое отношение это имеет к Лоис?

Элли с горячностью ответила:

– Да ведь Лоис надоумила и поддержала ее! Мэнни в ярости. Марши ей какая-то родня…

– Джимми в курсе?

– Не знаю – и не знаю, как это было сделано. Он думает, что ей пришлось лечь в больницу из-за ноги.

Джулия удивленно спросила:

– Почему ты не сказала ему?

– Это бессмысленно. Такие вещи происходят постоянно, только Джимми ничего не замечает. Лоис поступает по-своему, а он этого не видит. Она хочет захватить коттедж старого Ходсона для своих друзей – и вот увидишь, захватит.

– Джимми этого не сделает.

– Она его заставит. Ты не знаешь Лоис так, как я. Она убедит Джимми, что старому Ходсону гораздо лучше уехать к снохе. А там он возненавидит эту жизнь, и ему будет становиться все хуже. Лоис настоит на своем, и ее друзья получат коттедж на выходные.

Наступило молчание. Джулия могла бы сказать многое. Но подумала, что, пожалуй, лучше промолчать. Элли требовалось утешение, а не новые переживания. И Джулия молчала, потому что не могла придумать ничего утешительного.

Через несколько секунд Элли снова прорвало:

– И с Ронни будет то же самое – вот увидишь! Джимми скажет «да» мне, тебе и Энтони, а потом Лоис возьмется за него, и он скажет «нет». Она убедит Джимми, что Ронни будет гораздо

лучше в госпитале или в санатории для долечивания, как миссис Марш лучше в приюте для инвалидов, а бедному старому Ходсону – в Лондоне вместе со снохой, которой не нужен тесть. Я бы не возмущалась так, если бы Лоис сказала честно, что это ее личное желание. Но нет. Она делает вид, будто так будет лучше для всех, вместо того чтобы признаться, что хочет этого для себя.

Джулия настойчиво сказала:

– Элли, перестань дрожать. И перестань взвинчивать себя из-за Лоис. Этим ничего не добьешься, только изнервничаешься. Она подлая тварь, я всегда это знала. Но она жена Джимми. Для Рон-ни можно будет кое-что сделать. Я здесь для этого. Первым делом нужно найти работу, где тебе позволят жить вместе с Ронни.

Элли вздохнула:

– Это бесполезно. Я пыталась. Поместила объявление, указав номер почтового ящика. Пришло только два ответа, и оба от тех, кто загружает прислугу по полной. Вся работа по дому – стряпня и прочее. Я не смогу выполнять ее и при этом заботиться о Ронни.

– Что ты написала в объявлении?

– Я хотела, чтобы оно выгодно отличалось среди других – сейчас место прислуги ищут многие. И написала: «Ищу работу по дому, где смогу жить вместе с мужем. Он потерял на фронте ногу».

– И получила всего лишь два ответа?

– Всего лишь.

Джулия лежала, хмурясь в полутьме. Взошла луна. Она видела изножья кроватей. Видела массивный черный гардероб у противоположной стены. В трех окнах видно было освещенное небо. Неторопливо произнесла:

– Элли…

– Да?

– Если Ронни сможет поехать в хороший санаторий для долечивания, не будет ли там для него лучше, чем ссориться здесь с Лоис?

Элли отдернула руку.

– Я не смогу видеться с ним…

– Но если ему станет лучше? Он снова сможет работать, и вы всегда будете вместе.

Элли сказала сдавленным голосом:

– Не думала, что и ты будешь против меня.

– Я не против.

Оправдываться было не в духе Джулии.

– Ты не понимаешь.

– Тогда, может, объяснишь?

Элли снова взяла ее за руку.

– У нас нет никакой возможности. Мы провели вместе месяц, потом два выходных, а потом он лежал в госпитале. Это лишает нас возможности. Я езжу туда уже измотанной. Лицо у меня бледное, и часто я не могу найти темы для разговора. Не могу быть веселой, улыбчивой – такой, какой он хотел бы меня видеть. – Она снова расплакалась. – Джулия, у него такая хорошенькая медсестра!

Глава 7

Наутро Джулия после завтрака поговорила с Джимми Леттером наедине. Он курил на террасе трубку, она увела его в кабинет и плотно закрыла дверь. Гостиную Лоис изменила почти до неузнаваемости – там были новые чехлы, новые шторы, новые ковры, новые украшения, вся мебель стояла на новых местах. Но кабинета она пока еще не коснулась. На полу там лежали старые потертые ковры, на окнах висели старые коричневые шторы. На полках стояли старые потрепанные книги. Разумеется, там никто и никогда ничего не штудировал, но это была комната Джимми, а раньше его отца, и Джулия почувствовала себя гораздо спокойнее, когда привела его сюда. Она заперла бы дверь, но ключ был давно потерян, никто не знал, как и когда.

Сев на подлокотник одного из больших кресел, она сказала:

– Джимми, я хочу поговорить с тобой о Ронни.

Энтони часто говорил ей, что она напрочь лишена такта, и когда она бросала в ответ: «А какой смысл подходить к делу издали? Если я хочу что-то сказать, то говорю», он со смехом замечал: «Мне ли этого не знать!» Ну вот, она сказала то, что пришла сказать, и Джимми нахмурился. Трубку он держал в руке, и между ними поднимался дымок. Не успел он и рта открыть, как Джулия поняла, что Лоис ее опередила.

– Знаешь, Джулия, это не годится – я имею в виду его пребывание здесь. Никуда не годится. Само собой, Элли этого хочется, да и я сам был бы доволен, если бы он жил в нашем доме, бедняга. Но, как говорит Лоис, Элли в гроб загонит себя заботой о нем. Видно же, что ей это не по силам. Да ведь бедный Ронни калека – ей никак с этим не справиться. Поверь, я и так очень о ней беспокоюсь. Здесь она дома, со всеми удобствами, Лоис заботится о ней, и все равно она похожа на привидение – бледная, понурая. А ты хочешь, чтобы она взялась за тяжелую работу сиделки. Слышать об этом не хочу!

Щеки Джулии вспыхнули красными флагами. Она редко приходила в такой гнев. Но ей хватало ума понять, что раз она ведет игру за Элли, то нужно сдерживаться. Будь это ее личная игра, она бы резко швырнула карты на стол и с удовольствием выложила бы все, что думает о Лоис. Но это была партия Элли.

Щеки ее горели, глаза сверкали ненавистью, но язык она держала на привязи. Джимми, поглядев на Джулию с легким беспокойством, поразился ее сходству с Марсией. А он не только был очень привязан к Марсии, но и уважительно относился к ее суждениям. Это уважение и сходство стали незаметно окрашивать его мысли. Молчание Джулии дало им время подумать. Когда она наконец заговорила, голос ее звучал очень тихо:

– Джимми – помнишь, какой штат прислуги был здесь до войны?

– Это было давно, – ответил он. – Теперь все переменилось.

– Знаю. Но все равно, помнишь? Здесь была миссис Мэнипл, судомойка под ее началом, после полудня приходила служанка для черной работы, и миссис Хаггинс мыла кухонные полы. Это что касается кухни. Для остальной части дома был дворецкий, горничная, уборщица, служанка для черной работы до полудня и миссис Хаггинс, когда требовалась дополнительная работа – весенняя приборка или появление гостей.

Джимми сердито затянулся трубкой.

– Какой смысл говорить об этом? Всем пришлось снизить расходы.

– Знаю, что пришлось. Но задумайся на минутку, Джимми, и ты поймешь, почему у Элли усталый вид. Она и Минни делают то, что делали мужчина и три служанки.

– Ты не учитываешь Лоис. Джулия посмотрела на него.

– Да – Лоис я не учитываю.

Джимми отвернулся, подошел к письменному столу и принялся поднимать с него то одну вещь, то другую и резко ставить их на место. Когда повернулся, лицо его было багровым. Он сердито спросил:

– Как это понять?

Правая рука Джулии сжалась в кулак, и ногти впились в ладонь. Нельзя показывать Джимми, что и она сердита. Этим его не проймешь. Мама никогда не сердилась ни на него, ни на других. Поэтому все ее слушали. Если бы только возмущение не кипело в душе – так, что начинаешь чувствовать, что тебе на все наплевать…

Но нужно думать об Элли. И Джулия заговорила таким сдержанным, рассудительным голосом, что удивилась сама.

– Послушай, Джимми. Я не хочу устраивать ссору. Я хочу высказаться. Хочу, чтобы ты меня выслушал, и только. Лоис ставит в вазу букеты цветов – вот и все, что она делает по дому. Сердиться на мои слова не нужно – это правда. Это ее дом, и она не обязана делать больше того, что желает. До этого она не жила за городом. Она подолгу жила в отелях, поэтому даже не знает, сколько в доме дел.

Джулия почувствовала, что она довольна собой. Она мягко разубеждает Джимми. Кто это сказал, что она лишена такта? И продолжала все оживленнее:

– У меня есть очень хороший план, и больших расходов он не потребует – уверяю тебя. Если миссис Хаггинс станет бывать здесь ежедневно, а не заходить раз в неделю на кухню к Мэнни, дела значительно изменятся к лучшему. Видишь ли, и Минни, и Элли нельзя назвать сильными. Не с их мышцами заниматься тяжелой работой, и они ужасно от нее устают. А миссис Хаггинс сильна как лошадь – она быстро со всем справится. Минни и Элли будут заниматься тем, что полегче.

Джимми перестал сердиться. Вид у него стал недоуменным.

– Но миссис Хаггинс приходит. Я не раз ее видел.

– Приходит по субботам, драит кухонные полы, и только.

Джимми сказал с беспокойством:

– Я думал, она делает еще что-то. А потом еще жена Джо Марша – я видел ее здесь.

– Она только шьет для Лоис.

– Ты уверена, что не помогает по дому?

– Совершенно уверена.

Джулия помолчала, давая ему время осмыслить сказанное.

– Джимми – по поводу Ронни – выслушай, пожалуйста. Не занимайся Элли тяжелой работой, не езди на велосипеде в Крэмптон, что ее изматывает, думаю, она могла бы заботиться о Ронни. Она была бы счастлива, а счастливые люди способны горы свернуть… Нет, послушай, пожалуйста. Он уже ходит с костылем. Если отдашь им старую классную комнату, ему не придется подниматься наверх, туалет прямо напротив. Все будет совсем необременительно – и, Джимми, как станет счастлива Элли! Ты всегда бывал к нам так добр.

Джулия уже не сердилась. Она припоминала все случаи, когда Джимми проявлял доброту, – их было множество, они уходили в прошлое все глубже, глубже, пока не исчезали из памяти. Она смотрела на Джимми с очаровательной улыбкой.

Он подошел к ней и обнял ее за плечи.

– Ладно, ладно, дорогая моя, – я подумаю. Очень хорошо, что ты это высказала. Очень хорошо, что ты снова здесь. Я сильно скучал по тебе. Ты не давала мне возможности сделать что-то для тебя в последние два года, так ведь? Но мы подумаем, что можем сделать для Элли. Она тревожится, правда?

– Она совершенно извелась.

– Ну-ну, мы не можем с этим мириться. Я сделаю, что смогу.

Глава 8

– Джимми – *дорогой!*

Джимми Леттер взъерошил свои светлые волосы.

– Ну, похоже, это хороший план. Джулия говорит…

Лоис со смехом подошла к нему и прижала ладонь к его губам.

– О, мой дорогой, раз это говорит Джулия… Нет, Джимми, право же – это уже слишком! Она знать нас не желает два года, а потом является и хочет перевернуть весь дом вверх тормашками. Знаешь, в конце концов, это *наш* дом…

– Оно так…

Лоис засмеялась снова.

– Рада, что ты это признаешь! Но он перестанет быть нашим, если ты позволишь Джулии распоряжаться здесь. Она из этих неугомонных, беспокойных людей, а я не думаю, что нам нужны беспокойства.

Джимми нахмурился:

– Она говорит, Элли совершенно извелась.

Лоис вздохнула:

– Элли расстраивается из-за мужа. Не представляю, что нам тут можно поделать. Ей нужно взять себя в руки и не раскисать. А она становится истеричной.

Джимми продолжал хмуриться.

– Джулия говорит, ей не следует слишком много работать. Миссис Хаггинс приходит всего раз в неделю. Не можем ли мы привлечь ее к ежедневной работе?

Изящные брови Лоис поднялись.

– Наверное, можем – раз Джулия считает, что так нужно. Есть у нее еще предложения? Если да, то, само собой, ей нужно только высказать их.

– Зря ты так, – грубовато сказал Джимми. – Она не это имела в виду.

Лоис рассмеялась снова.

– Не это? Интересно, что же.

Она положила руки на плечи Джимми и поцеловала его в подбородок.

– Теперь, дорогой, послушай меня. Джулия не пробыла здесь даже суток и уже предлагает все тут переустроить, направить нас всех на путь истинный. Знаешь, это никуда не годится. Я бы возмутилась, если б не мой слишком уж мягкий характер. Насколько я понимаю, Джулия из сорта импульсивных, благонамеренных людей. Она очень любит Элли и очень любит настаивать на своем. Но право, дорогой, я не могу допустить, чтобы она так совалась в наши дела. Это уже не шутки.

Джимми обнял ее.

– Послушай, Лоис, не могли бы мы позволить Ронни пожить здесь – какое-то время?

Лоис отодвинулась от него. От ее веселости не осталось и следа.

– Да, конечно – если хочешь, чтобы здоровье у Элли пошатнулось. Джулия наверняка считает, что она в силах заниматься тяжелой работой сиделки. Я – нет. Я думаю, что ей нужны покой и перемена обстановки. Собственно, я собиралась поговорить с тобой о своем плане. Нам нельзя и дальше жить таким беспорядочным образом. Я хочу иметь возможность устраивать приемы гостей. Я еще не приняла решения, но слышала о превосходном дворецком и двух горничных. Конечно, они будут стоить больших денег, но, думаю, нам пора вернуться к цивилизации. Если Элли хочет остаться здесь, то пожалуйста, пусть остается, но я думаю, ей будет лучше сменить обстановку. Ронни могут перевести в санаторий для долечивания, а она может снять комнату поблизости от него. Я не хочу, чтобы, когда новый штат прислуги будет устраиваться, тут находилось много людей. Кстати, я слышала об очень подходящем месте для

Минни Мерсер. Тетушка Бренды Грей нуждается в компаньонке. А Минни – прирожденная компаньонка, так ведь?

Джимми отступил на шаг.

– Постой-постой, Лоис, – как это понять? Относительно Минни. Она не уходит отсюда. Для этого нет никаких причин.

Лоис улыбалась.

– Дорогой, нет никаких причин ей оставаться. Вряд ли можно ожидать, что она будет работать под началом дворецкого.

– Об этом не может быть и речи. Да ведь Мин-ни живет здесь двадцать пять лет! Она была подругой Марсии. С какой стати ей уходить от нас?

Лоис грациозно пожала плечами.

– Не спрашивай меня. Но думаю, она вполне разумна. И мне не придется предупреждать ее о предстоящем выселении.

– Предупреждать о выселении? – Джимми ошеломленно глядел на нее.

– Дорогой, откровенно говоря, Минни не сможет приспособиться. Если у нее хватит ума это понять, мы будем избавлены от неприятностей. – Лоис улыбнулась снова и послала мужу воздушный поцелуй. – Приободрись, дорогой! Ты не представляешь, как будет хорошо, когда дом снова станет вестись подобающим образом.

Они находились в малой гостиной, окна ее выходили на распланированный сад. В течение более двухсот лет эта комната принадлежала хозяйке дома. Пока что Лоис оставляла комнаты в том же виде, в каком ее унаследовала Марсия от своей предшественницы, матери Джимми Леттера, скончавшейся при его родах. Для Лоис здесь были повешены светлые парчовые шторы, для ее ступней был расстелен выцветший ковер. Однако большая часть мебели сохранялась с прежних времен. Лоис собиралась обставить эту свою комнату на современный манер. Даже посылая Джимми воздушный поцелуй, она мысленно заменяла диван Викторианской эпохи пружинной софой и отправляла акварельные наброски на чердак. Джимми питал сентиментальную привязанность к ним, их рисовала его мать, но когда комнату будут отделывать, рисунки придется снять. И Лоис собиралась позаботиться, чтобы их больше не развешивали.

Ни она, ни Джимми не слышали, как во время их разговора приоткрылась дверь. Рука, открывшая ее, не притворила ее снова. Выходя, Лоис нашла дверь приоткрытой.

Глава 9

Энтони едва не столкнулся с Минни Мерсер в коридоре прямо напротив своей комнаты – вернее, это она едва не налетела на него, и он еле избежал сильного столкновения, успев сделать шаг назад. Минни натолкнулась на его вытянутую руку, и ему пришлось поддержать ее, чтобы она не упала. Тут в свете из открытой двери он увидел ее лицо – совершенно белое и застывшее, – а глаза, устремленные в одну точку, казались почти бесцветными. Энтони провел на войне пять лет и способен был узнать шоковое состояние. Поддерживая Минни, он ввел ее в комнату, прикрыл дверь и усадил в кресло. Казалось, она не понимала, что Энтони делает, но, когда он спросил: «Минни, что случилось?», ее руки задрожали. Она с трудом выпрямилась и положила руки на колени, безуспешно пытаясь унять дрожь. Глядя мимо него на какую-то далекую точку, она ответила:

– Мне придется… убраться отсюда.

– Минни, дорогая!

– Она хочет этого.

– Дорогая моя, не понимаю, о чем ты.

Минни очень медленно произнесла сдавленным голосом:

– Я прожила здесь двадцать пять лет… но все равно… она меня выгонит.

Энтони начал понимать, что происходит. Положил руку ей на плечо.

– Минни, ты ужасно выглядишь. Откинься на спинку кресла и расслабься, а я приготовлю тебе что-нибудь выпить. Потом, если хочешь, можешь рассказать мне все.

Минни покачала головой. Две слезы медленно выкатились из ее глаз и поползли вниз по щекам. Она сказала:

– Ты ничего не сможешь поделать – никто не сможет. Раз она решила выдворить меня, мне придется уйти.

Энтони придвинул стул и сел рядом с ней.

– Откуда ты знаешь, что она решила тебя выдворить?

Две слезы упали на ее дрожащие руки. На их месте появились другие, такие же горькие, тихие. Минни не повернула головы, не взглянула на него, не изменила голоса.

– Я пошла в малую гостиную спросить ее о чем-то – уже не помню о чем. Открыв дверь, услышала, как она произнесла мое имя. Она сказала: «Я слышала об очень подходящем месте для Мин-ни. Тетушка Бренды Грей нуждается в компаньонке. Минни – прирожденная компаньонка».

Лицо Энтони помрачнело и посуровело.

– С кем она разговаривала?

– С Джимми. – Ее сдавленный голос впервые дрогнул.

– А он что сказал?

– Он как будто не понял.

– Так-так?

– Она говорила с ним. Сообщила, что я съезжаю, и Джимми спросил почему. Она внушила ему, что я сама хочу съехать. Сказала, что это хорошо, так как ей не придется предупреждать меня о выселении. Здесь будет дворецкий и две горничные, и она сказала, что я не смогу приспособиться.

– Но, Минни, ты жила здесь в те годы, когда тут был полный штат прислуги.

– Двадцать пять лет, – проговорила Минни, – это долгий срок. Но я помогала Марсии, после ее смерти заботилась о девочках. А теперь для меня здесь нет места.

– Джимми не позволит выдворить тебя, – сказал Энтони с надеждой.

Она повернулась лицом к нему. Слезы продолжали струиться, но взгляд Минни был уже не застывшим, а кротким и очень печальным, как ее голос:

– Дорогой мой, нельзя втягивать его в эту историю. Так не годится. Не нужно вставать между мужем и женой. Это нехорошо и лишь приводит к неприятностям. Раз она хочет, чтобы я ушла, я ничего не могу поделать – только уйти. – Руки ее продолжали дрожать. Минни встала. – Энтони, ты был очень добр. Извини, что я расклеилась. У меня просто не было времени взять себя в руки. Шок, неожиданная встреча с тобой… и твоя доброта.

Минни быстро вышла из комнаты, оставив позади весьма рассерженного молодого человека. Легко было сказать, что никто ничего не сможет поделать, но Энтони никак не собирался опускать руки. Подумал, что, видимо, лучше всего будет поговорить с самой Лоис. Джимми можно довести до крайности, но невозможно удержать там, не задев одного из полудюжины его принципов. Изгнание Минни – затронет ли оно какой-то из них или нет? Не исключено. Разговаривать с Джимми очень трудно. Он будет уступать, уступать, уступать, а потом вдруг упрется и ни в какую. Энтони видел это десятки раз – иногда речь шла о пустяках, иногда о важных проблемах. Но мелкие или значительные, все вопросы были как-то связаны с Леттер-Эндом…

Гостеприимство его дома как раз и может оказаться той почвой, на которой Джимми будет упорно стоять до конца. Энтони был почти уверен, что Лоис не заставит его выгнать из дома Элли или Джулию, как бы ни подольщалась к нему. Относилось ли это и к Минни, он не знал. Может быть, да, может, и нет. Джимми непредсказуем. Энтони решил, что стоит поговорить с Лоис, и, если дело дойдет до ссоры, он с большим удовольствием выложит все, что о ней думает. Само собой, сперва нужно будет поговорить с Джимми. Пусть Джимми скажет ему о планах Лоис. Он охотно выложит все близкому человеку.

Из окна Энтони увидел Лоис, идущую с корзинкой к розарию. Нужно поговорить минут десять с Джимми и последовать туда за ней. Если возникнет ссора, розарий для этого превосходное место – от дома далеко, никто не вмешается.

Разговор с Джимми занял четверть часа. Кузен был так расстроен, что нуждался в утешении. Он расхаживал взад-вперед по кабинету, ерошил волосы и спрашивал, почему Минни захотела покинуть их после стольких лет.

– Я думал, она любит нас всех, думал, она здесь счастлива. Но Лоис говорит, она хочет съехать – я не могу этого понять!

– Может, Лоис сумеет уговорить ее остаться.

Джимми повеселел:

– Да-да, Минни не может всерьез хотеть уйти – Лоис должна убедить ее!

– Думаю, Лоис сможет. Очевидно, Минни взбрело в голову, что она здесь нежеланна.

Вот и все, что отважился сказать Энтони, но Джимми ухватился за это.

– Вот-вот! Чего только не выдумывают женщины. Минни всегда себя принижала. Она совершенно бескорыстна – всегда была такой – и готова сделать для каждого все, что угодно. Может, вообразила, что стала никому не нужна. Как нам теперь быть?

– Ты не будешь против, если я поговорю об этом с Лоис?

Джимми повеселел еще больше.

– Нет, конечно, нет – с какой стати? Блестящая идея. Знаешь, меня очень расстраивает мысль, что я не докопался до сути дела. Не помню, чтобы меня что-то так сильно расстраивало. Мне это не по душе, Энтони, совершенно не по душе. Да ведь – дай припомнить – Минни на три года младше меня, а мне пятьдесят один. Она живет здесь двадцать пять лет. Когда она поселилась здесь, ей было двадцать три, она была очень хорошенькой. И с тех пор она здесь как родная. Никак не могу этого понять. Иди поговори с Лоис и постарайся добраться до сути.

Энтони нашел ее в самом романтическом окружении. Красивая миссис Леттер в своем розарии, солнце первых дней осени ярко освещает ее золотисто-каштановые волосы, безупречную свежую кожу, никогда не покрывавшуюся ни загаром, ни веснушками. Льняное платье

медового цвета превосходно сочетается с сентябрьскими цветами. Корзинка на ее руке заполнена розами всевозможных медно-красных оттенков.

Чувство меры Энтони восстало. Ссора здесь станет вопиющей нелепостью. Что ж, может, в ней и не будет необходимости. Как-никак, в уме Лоис не откажешь. Нет ни малейшего смысла расстраивать Джимми, устраивая скандал.

Когда он подошел, Лоис очаровательно улыбнулась.

– Как мило с твоей стороны! Я как раз хотела, чтобы кто-нибудь понес корзинку.

Энтони взял корзинку с цветами.

– Ты любишь, чтобы тебе прислуживали, так ведь?

– Очень.

– Джимми говорит, ты собираешься снова завести целый штат прислуги – дворецкого и горничных.

Лоис срезала ножницами еще одну розу и беззаботно сказала:

– Да – это будет облегчением!

Вместо того чтобы опустить розу в корзинку, Лоис поднесла цветок к носу Энтони.

– Ну? Разве не так?

– Может быть. Сейчас Джимми очень расстроен.

Она издала журчащий смешок.

– Это из-за Минни. Ничего, переживет. Надеюсь, ты не подстрекал его?

– Он не нуждается в подстрекательстве. Послушай, Лоис, мы были хорошими друзьями и никогда не ходили вокруг да около. Почему ты выгоняешь Минни? Я знаю, ты сказала Джимми, что она хочет уйти, но я с этим не примирюсь.

– Дорогой, как грозно!

– Я хочу знать, зачем ты это делаешь.

Теперь Лоис щелкала ножницами: срезала то лист, то засохший бутон. Она с улыбкой поглядела на Энтони.

– Видишь ли, я думаю, что она живет здесь слишком долго.

– Почему?

– Мой дорогой Энтони, она прирожденная компаньонка для старой леди. Я не старая леди, и мне компаньонка не нужна. Откровенно говоря, мне не нужна Минни. Я не хочу сидеть с ней за столом, не хочу встречать ее в доме – она мне действует на нервы. Минни может уйти и стать сокровищем для старой мисс Грей.

– И быть съеденной заживо, как все остальные ее компаньонки за последние пятнадцать лет!

Лоис засмеялась:

– О, Минни против не будет. Она прямо-таки просит, чтобы об нее вытирали ноги.

Помолчав немного, Энтони сказал:

– Знаешь, Лоис, я бы не стал особенно давить в этом деле на Джимми. Я знаю его всю жизнь, он способен на неожиданные поступки. Думаю, это одна из тех проблем, которые лучше…

Он стал подыскивать подходящее слово, и Лоис подхватила:

– Лучше для кого, дорогой?

Энтони ответил:

– Для тебя.

– Право же, Энтони!

– Лоис, послушай! Джимми от тебя без ума, пляшет под твою дудку. Ты думаешь, что знаешь его. Думаешь, что он покладистый, и он действительно такой – до известного предела. Не советую теснить его за этот предел. Иначе он может стать непредсказуемым.

Лоис презрительно засмеялась.

– Столько шума из-за Минни Мерсер! Будто она что-то собой представляет!

Энтони взглянул на нее как будто с оценивающим выражением.

– Не глупи. Ты разумная женщина, и не строй из себя дуру. У Джимми есть привязанности. Уверяю, тебе лучше относиться к ним с уважением. В противном случае можешь разбить что-то такое, чего уже не склеишь. Если не хочешь видеть Мин-ни за столом, отведи ей комнату – она будет счастлива. Она не станет соваться на твои вечеринки – будет только рада оставаться в стороне. И от нее будет польза. Я знаю, что она штопала для Марсии и для всех в доме.

– Благодарю – Глэдис Марш шьет все, что мне нужно. И развлекает меня. Послушал бы ты ее рассказы о деревенских жителях! Нет, Энтони, этот разговор бессмысленен. И не продолжай, иначе я рассержусь. – Лоис нежно посмотрела на него и рассмеялась. – Будь на твоем месте кто-то другой, я бы вышла из себя, но ты не должен пользоваться моим хорошим отношением. – Она подошла поближе.

Энтони сурово произнес:

– Минни живет здесь долгое время.

Щеки Лоис окрасил природный румянец. Она вкрадчиво заговорила:

– И влюблена в Джимми. Дорогой, что же ты молчишь об этом? Влюблена все то долгое время, о котором ты твердишь. Знаешь, я не нахожу это достоинством.

Энтони улыбнулся. Будь здесь Джулия, она поняла бы по этой улыбке, как он разозлен.

– Моя дорогая Лоис, хочешь, чтобы я поверил, будто ты ревнуешь его к Минни? Прошу тебя, будь серьезной, если можешь. Мы в течение двадцати пяти лет считали Минни членом нашей семьи. Другой у нее нет. Мы все немало пользовались ее добротой, но очень привязаны к ней. Она любит всех нас гораздо больше, чем мы того заслуживаем. Она обожает Джимми. Так наивно, смиренно, что даже самое ревнивое на свете существо не могло бы не сделать исключения из правила. Будь великодушна, оставь бедняжку в покое. Если выгонишь Минни, ее это просто убьет. Джимми всегда видел в ней члена семьи. Оставь ее в покое, он никогда не посмотрит на Минни иначе.

Улыбка Энтони исчезла. Смуглое лицо было серьезным.

Лоис подняла розу и легонько ударила его по щеке.

– Дорогой, тебе следует быть адвокатом. Я чувствую себя коллегией присяжных. И теперь мне нужно обдумать свой вердикт.

– Лоис, измени его.

– Посмотрим. А теперь пошли, поможешь мне с цветами.

Глава 10

Недели через две после этого мисс Мод Сильвер приняла посетителя. Поскольку он явился не по записи, она его не ждала. Мысли ее были заняты приятными семейными делами. Племянница Этель, муж которой управлял банком в одном из центральных графств, написала отрадное сообщение о том, как ее сын Джонни обживается в частной школе. Весьма отрадное, ничего не скажешь. Не хочется думать, что ребенок тоскует по дому. Но Джонни разумный и спокойный парнишка и, наверно, будет хорошо успевать.

Жаловаться на жизнь мисс Сильвер не могла. Она не только ничуть не пострадала во время войны, но и ее квартира в Монтегю Меншнз осталась цела, не считать же нескольких разбитых окон. Шторы пострадали, что правда, то правда, но они достойно несли долгую службу, и теперь она смогла заменить их ярко-синими, под цвет ковра. Этот ярко-синий цвет она до сих пор называла «павлиньим», но теперь его все зовут «бензиновым». Роза, названная как угодно иначе, все равно будет пахнуть приятно, но цвет под таким отвратительным названием, как «бензиновый», теряет половину своей привлекательности, по крайней мере, для слуха. Поэтому мисс Сильвер продолжала называть свои шторы «павлинье-синими».

Потертый край ковра был теперь упрятан от взгляда под книжный шкаф, и сам ковер мог еще служить два или три года, но она подумывала о новых чехлах для старых викторианских кресел с широкими сиденьями, гнутыми ножками и резными ореховыми подлокотниками. Она приобрела бы их этим летом, если б Джонни не пошел в школу, но ей доставляло искреннее удовольствие помогать Этель в его экипировке.

Мисс Сильвер очень прямо сидела в одном из кресел, ждущих новых чехлов, аккуратная и старомодная, начиная с волос, с челки, завитой мелкими колечками, и изящных локонов сзади. Волосы удерживала в строгом порядке сетка, а ноги в черных нитяных чулках – зимой чулки были бы шерстяными – были обуты в черные, расшитые бисером шлепанцы. Где она доставала бисер, было такой же глубокой тайной, как и те, раскрывать которые ей приходилось в профессиональной деятельности. Детектив-сержант Эббот из Скотленд-Ярда, ее преданный поклонник, утверждал, что эта тайна непостижима. Одета мисс Сильвер была в темно-коричневое платье искусственного шелка с отвратительными зелеными и оранжевыми точками и черточками, образующими бессмысленные группы. Два года назад платье было новым, и в носке оно оказалось неважным. Фрэнк Эббот надеялся на его скорую кончину. Оно было заколото у горла брошью из мореного дуба в форме розы с жемчужиной посередине. Пенсне ее поддерживала тонкая золотая цепочка. Поскольку мисс Сильвер пользовалась линзами только для чтения мелкого шрифта, цепочка была прикреплена к левой стороне лифа платья золотой брошью. Юбка выглядела бы вышедшей из альбома с фотографиями конца девятнадцатого века, если бы ее подол был на несколько дюймов длиннее и доходил до пола.

О том, что мисс Сильвер продолжала духовно жить в том времени, отчетливо свидетельствовали мебель середины пятидесятых годов и картины на оклеенных узорчатыми обоями стенах – это были репродукции наиболее знаменитых полотен Викторианской эпохи. Время от времени хозяйка перевешивала картины из спальни в гостиную и наоборот. Сейчас картина «Мыльные пузыри»[2] висела над камином вместе с «Черным брауншвейгским гусаром»[3]и «Монархом горной долины»[4]по обеим сторонам, а «Надежда»[5], «Пробуждение души»[6] и «Гуге-

[2] Художник Джон Эверетт Милле (1829–1896).

[3] Он же.

[4] Художник Эдвин Генри Ландсир (1802–1873).

[5] Художник Джон Фредерик Уоттс (1817–1904).

[6] Художник Джеймс Сент (1820–1916).

нот»[7] украшали другие стены. Каминная полка, верх книжного шкафа и различные столики были заставлены фотографиями в плюшевых и серебряных рамках. Иногда они сочетались – серебряная филигрань на плюше. Но на фотографиях были юные – большей частью очень юные. Были маленькие дети всех возрастов – дети, которые могли бы не родиться, если б мисс Сильвер не вмешалась, чтобы вывести на свет сокрытые причины зла и спасти невиновных. Отцы и матери детей тоже были на фотографиях – сильные молодые мужчины и хорошенькие юные женщины с долгом благодарности маленькой, немодно одетой старой деве с четкими чертами лица и мышиного цвета волосами. Это была ее портретная галерея, перечень ее дел, и она ежегодно пополнялась.

Мисс Сильвер перечла постскриптум письма Этель Беркетт:

«Не знаю, как благодарить вас за все. Джонни в этом году больше чулок не понадобится, но если у вас осталась эта серая шерсть, буду очень благодарна за чулки для Дерека. Он растет очень быстро».

Вкладывая письмо обратно в конверт, она улыбнулась. Шерсть для чулок Дерека была смотана в клубок, и полдюйма резинки уже связано.

Когда она встала, чтобы отложить письмо, ее бесценная Эмма открыла дверь и объявила:

– Мистер Леттер…

Мисс Сильвер увидела худощавого мужчину со свежим цветом лица и обеспокоенным видом. Таким было ее первое впечатление от Джимми Леттера – худощавость, свежесть и беспокойство. Когда усадила его напротив, продолжая работать спицами, она пришла к выводу, что это живущий за городом джентльмен, редко бывающий в Лондоне. Его одежда от хорошего портного была отнюдь не новой. Еще довоенной. Такая хорошая ткань появилась вновь лишь совсем недавно.

Если одежда этого джентльмена была старой, а возраст средним, беспокойство его, поняла мисс Сильвер, началось недавно. Длительная тревога оставляет заметные следы. На свежей коже мистера Леттера не было удручающих складок. От глаз расходились морщинки, оставляемые смехом, губам смех тоже придал характерную форму. В чем бы ни заключалась его тревога, срок ее был небольшим. Мисс Сильвер улыбнулась и спросила:

– Чем могу быть полезна?

Джимми Леттер ломал голову, зачем пришел к ней и как ему уйти. Эта улыбка изменила направление его мыслей. Приятная маленькая женщина, дружелюбная маленькая женщина. С ней уютно. И комната уютная. Неплохие картины. Ему вспомнилось, что такая же, как над камином, висела в гостиной миссис Мерсер, когда он и Минни были детьми. Эта маленькая женщина чем-то напомнила ему Минни. С ней спокойно – она тебя не торопит. Джимми ответил:

– Ну, не знаю – то есть не знаю, можете ли вы здесь что-то поделать. И нужно ли что-то делать.

– Но ведь вы приехали ко мне, мистер Леттер.

Он потер переносицу.

– Да, понимаю: совершаешь такие поступки, а потом сознаешь, что свалял дурака.

Мисс Сильвер снова улыбнулась:

– Если для вас это очень важно, я не буду так думать.

– Ну, ладно, – сказал Джимми и стал возиться с извлеченной из кармана связкой ключей. – Знаете, в прошлом году я услышал о вас от Стеллы Дандес – моей дальней родственницы. Как только она вас не расхваливала.

Спицы мисс Сильвер щелкали. Чулок Дерека вращался. Руки она держала низко, вязала очень быстро, на континентальный манер.

---

[7] Художник Д. Э. Милле.

– Я очень радовалась, что смогла помочь миссис Дандес. Дело было пустяковым.

– Для нее нет – она очень дорожила этим жемчугом. Говорила, что просто чудо, как вы нашли вора.

Мисс Сильвер опустила голову.

– Мистер Леттер, у вас что-нибудь украли?

– Нет, ничего. – Джимми позвякал ключами. – Честно говоря, дело гораздо серьезнее. Послушайте, если я все расскажу, это останется секретом, так ведь?

Мисс Сильвер негромко кашлянула.

– Естественно, мистер Леттер. Это само собой разумеется.

Он заколебался, раскачивая ключи туда-сюда.

– Думаю, вам приходилось выслушивать довольно странные истории?

Она улыбнулась снова.

– Не нужно спрашивать, что мне говорят другие клиенты.

– Конечно, конечно – я другое имел в виду. Но обсуждать это не следует. Собственно, я сам в это не верю. Дело в Лоис – моей жене. Она думает, что ее кто-то пытается отравить.

– Боже мой! – произнесла мисс Сильвер. А потом спросила: – Почему она так думает?

Джимми Леттер взъерошил волосы.

– В общем, все началось с ее визита к этому типу Мемнону. Полагаю, вы слышали о нем.

Мисс Сильвер неодобрительно кашлянула и отозвалась:

– О да.

– Так вот, он сказал, чтобы Лоис береглась яда. И знаете, она не думала об этом, пока у нее не начались эти странные приступы.

– Что за приступы?

Джимми выглядел очень обеспокоенным и говорил с тревогой.

– Тошнота и рвота. Раньше у нее не было ничего подобного, и начались они ни с того ни с сего.

– Ваша жена не ходила к врачу?

– Нет – не хочет к нему обращаться.

– Почему?

– Говорит – какой смысл? Если кто-то хочет отравить ее, врач не сможет им помешать – тут ничего нельзя поделать, так ведь? Вот что она говорит.

– Не могу с этим согласиться. Мне бы хотелось узнать побольше о приступах. Когда произошел первый?

– Недели две назад. Лоис была в городе и отправилась к этому типу Мемнону, и он ее предостерег, как я вам сказал. Она вернулась домой – мы устраивали семейную вечеринку. После обеда, когда все мы сидели в гостиной, Лоис вдруг выбежала из комнаты. Вскоре вернулась, и о том, что произошло, я узнал только впоследствии, но, кажется, ей было очень плохо. Это был первый раз.

Мисс Сильвер покашляла.

– Долго отсутствовала?

Джимми уронил ключи и нагнулся за ними.

– Около четверти часа – не дольше.

– Вы специально заметили время?

– Я всегда замечаю, когда ее нет.

– И как ваша жена выглядела, когда вернулась?

Он ответил с полнейшей простотой:

– Я подумал: какой красивой она выглядит.

Мисс Сильвер несколько секунд молча вязала. Потом спросила:

– Видел ее кто-нибудь во время приступа?

– Да, видела Минни Мерсер – мисс Мерсер.

– Я попрошу вас назвать всех домашних. Вы сказали, у вас была семейная вечеринка. Сейчас я хотела бы знать, ела или пила миссис Леттер что-нибудь такое, к чему не притрагивались остальные.

– Только кофе, – сообщил Джимми Леттер.

Глава 11

Выяснив, что кофе по-турецки пила только миссис Леттер, что его приготовила кухарка на кухне, добавив в него чуточку ванили, и чашку поставили на поднос вместе с сахарницей и графинчиком с коньяком в кладовой, куда мог войти любой из домашних, мисс Сильвер медленно покачала головой и сказала:

– Совершенно непонятное происшествие. Когда случился очередной приступ?

– На другой день, после ленча.

– Был он сильнее или слабее?

– Примерно таким же.

– Видели вы этот приступ?

– Да, видел. Ее сильно рвало, бедняжку.

Мисс Сильвер быстро вязала.

– Но ваша жена вскоре оправилась? Болезненных последствий не было?

– Слава богу, нет.

– Так, мистер Леттер, – что ела ваша жена за ленчем, чего не ели другие?

Джимми снова взъерошил волосы.

– Это и приводит меня в недоумение – ничего такого.

– Кофе не пила?

– Нет.

– Спиртного?

– Лоис не пьет спиртного за едой. Худеет, понимаете, – но у нее очень красивая фигура, ей не нужно худеть.

Резинка на чулке Дерека была уже длиннее дюйма. Спицы быстро мелькали.

– Мистер Леттер, будьте добры, скажите, что вы ели.

Джимми потер нос.

– Так, постараюсь вспомнить. Наверно, смогу, мы с Минни потом все перебрали, чтобы выяснить, от чего Лоис стало плохо, но ничего не нашли. На столе были холодная баранина, салат-латук, свекла, помидоры и картофель в мундире. Потом пикантный сыр, но Лоис его не ела, и фруктовый салат в сиропе. Она съела порцию, но его ели и я, Элли, Энтони и Джулия.

– Салат был в разных салатницах?

– Да.

– Кто подавал его?

– Поднос стоял перед Лоис. Она взяла одну салатницу, потом раздала остальные.

– Себе она взяла сама?

– Да, определенно.

– У нее была какая-то причина брать именно эту салатницу, а не другую?

Джимми снова уронил ключи, но на сей раз не стал их поднимать.

– Да: в ней не было сливок. Я даже не подумал об этом – Лоис не ест сливок.

Мисс Сильвер на несколько секунд прекратила вязать и серьезно посмотрела на него.

– Кто имел доступ к ним после того, как кухарка приготовила салат?

Джимми пустился в объяснения:

– Энтони – мой двоюродный брат Энтони Лет-тер – собрал тарелки и унес их. У нас нет надлежащего штата прислуги, поэтому мы обслуживаем себя сами… Джулия и Элли, мои сводные сестры – миссис Стрит и мисс Уэйн, – ходили туда-сюда… Минни тоже. Я не хотел, чтобы она что-то делала, и без нее там было много людей, но она тоже ходила. Кажется, Джулия принесла сыр, а Минни салатницы. Она всегда что-то делает – такая услужливая.

Мисс Сильвер положила вязанье на подлокотник кресла и встала.

– Думаю, мистер Леттер, прежде всего вам нужно продиктовать мне сведения о своих домашних. Чтобы у меня не возникало путаницы.

Подняв ключи и последовав за ней к письменному столу, Джимми виновато подумал, что в этой путанице виноват только он. Если бы его мачеха не вышла снова замуж, объяснить все было бы гораздо легче, но тут еще и Минни, никакая не родственница…

Тут Джимми пришло на ум, что, если бы не Марсия с ее близнецами, Минни вообще не появилась бы в доме. Он понял, что не может представить себе последние двадцать пять лет жизни без нее и не видит без нее будущего. А мисс Сильвер тем временем достала ярко-красный блокнот, написала заголовок и, не отводя карандаша, ждала нужных ей сведений.

Нельзя сказать, что манера, в которой Джимми излагал их, могла что-то прояснить. Но мисс Сильвер была опытной и настойчивой. Когда он уклонялся в сторону, она возвращала его назад, когда путался, находила нить и распутывала ее. В конце концов она аккуратным почерком записала в свой красный блокнот всех:

Мистер Джеймс Леттер, 51 год – владелец усадьбы Леттер-Энд, деревня Рейл.

Миссис Леттер, 37 лет, в прошлом миссис Даблдей – состоит в браке два года.

Энтони Леттер, 29 лет – двоюродный брат, недавно демобилизованный, собирается вступить в семейный издательский бизнес младшим партнером.

Мисс Джулия Уэйн и миссис Стрит, по 24 года – близнецы, дочери мачехи мистера Леттера. Муж миссис Стрит находится в госпитале в Крэмптоне. Мисс Уэйн занимается литературной работой в Лондоне, но часто приезжает в Леттер-Энд в последние две недели. До этого был большой перерыв. Мисс Минни Мерсер – дочь покойного доктора Джона Мерсера, семейного врача жильцов Леттер-Энда. В доме появилась после того, как миссис Уэйн вернулась в Леттер-Энд. Близнецы родились через несколько месяцев.

Миссис Мэнипл, 70 лет, кухарка-экономка – работает в Леттер-Энде пятьдесят четвертый год.

Полли Пелл, 17 лет – судомойка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.